

РОБЕРТ
ГЭЛБРЭЙТ

***БЕГУЩАЯ
МОГИЛА***

РОМАН О КОРМОРАНЕ СТРАЙКЕ

(перевод Gateshead)

Моим богиням,
Линн Корбетт¹, Эйн Кили ²и Джилл Преветт,
Юноне³, Церере⁴ и Астарте⁵

¹ Астролог, подруга Джоан Роулинг.

² Подруга Джоан Роулинг, познакомились, будучи соседками по квартире в Португалии.

³ Древнеримская богиня брака и деторождения

⁴ Древнеримская богиня урожая и плодородия, ответственная за произрастание и созревание злаков и других растений

⁵ Богиня плодородия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	4
Глава 1	20
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	51
Глава 7	54
Глава 8	63
Глава 9	71
Глава 10	82
Глава 11	95

ПРОЛОГ

Не всем подвластно обращаться к оракулу за советом. Это требует ясности и концентрации ума, восприимчивого к космическим влияниям, скрытым в скромных пророческих стеблях.

Рихард Вильгельм
«Понимание «И-Цзин» или «Книги Перемен»

Переписка между сэром Колином, леди Эденсор и их сыном Уильямом

13 марта 2012

Уилл,

Вчера нас потрясло известие от твоего куратора, что ты бросил университет и присоединился к какому-то религиозному движению. Еще большим шоком стало, что ты не обсудил это с нами и даже не потрудились сообщить, куда направляешься.

Если только та женщина, что отвечает на звонки в штабе Всеобщей гуманитарной церкви, нас не обманула, единственный способ связи с прихожанами – рукописные письма. Она дала мне слово, что передаст этот конверт тебе.

Мы с мамой не понимаем, почему ты так поступил, почему сначала не обсудил все с нами, да и что такого могло повлиять на твое решение отказаться от своего курса и друзей. Мы очень волнуемся за тебя.

Прошу, как только получишь письмо, СРАЗУ же свяжись с нами.

Папа

16 апреля 2012

Дорогой Уилл,

Леди из штаб-квартиры церкви говорит, что тебе передали папино письмо, но от тебя до сих пор никаких известий, поэтому мы все еще беспокоимся.

Полагаем, ты можешь быть на Ферме Чепмена в Норфолке. В эту субботу мы с папой будем в «Нью Инн» в Ронгтоне в час дня.

Пожалуйста, Уилл, приходи, встретиться с нами, чтобы мы могли все обсудить.

Папа немного разузнал про Всеобщую гуманитарную церковь, и похоже, это очень интересная организация с достойными целями. Мы прекрасно понимаем, чем она могла тебе приглянуться.

Это не попытка вмешаться в твою жизнь, Уилл, мы и впрямь просто хотим увидеться и узнать, что с тобой все в порядке.

С большой любовью,

Мама ххх

29 апреля 2012

Дорогой Уилл,

Вчера я посетил Центральный храм ВГЦ⁶ и поговорил там с женой, которая утверждала, что все наши предыдущие письма дошли до тебя. Но поскольку ты так и не пришел на встречу в субботу и до сих пор не черкнул нам и пары строчек, у нас нет возможности проверить ее слова.

Поэтому в интересах тебя или того, кто может незаконно забирать твою почту, считаю необходимым заявить: мне точно известно, что ты находишься на Ферме Чепмена, что ты никогда не выходишь за ее пределы без сопровождения и что ты очень сильно похудел. Я также знаю, что никто, кроме членов церкви, не может посещать эту ферму.

Ты очень умен, Уилл, но факт остается фактом: ты аутист и это не первый случай, когда тобой манипулируют. Если я не получу от тебя ответа по телефону или в письме, написанном твоим почерком, до 5-го числа, я обращусь в полицию.

Мне удалось связаться с одним из бывших членов Всеобщей гуманитарной церкви, с которым я хотел бы тебя познакомить. Если церкви нечего скрывать и ты по доброй воле находишься на Ферме Чепмена, то они не станут возражать против нашей встречи или разговора с тем человеком.

Повторяю, если до 5 мая от тебя не будет вестей, я пойду в полицию.

Папа

1 мая 2012

Дорогие Колин и Салли,

Благодарю за ваши письма. Все прекрасно. Я очень счастлив в ВГЦ и теперь мне открылись глаза на многое, чего я раньше не понимал. На самом деле у меня нет аутизма! Это ярлык, который вы на меня навешали, чтобы оправдать свой тотальный контроль над моей жизнью. Я не объект вашей плоти, и, в отличие от вас, меня не привлекают деньги и материальные блага.

Судя по вашему последнему письму, вы следите за Фермой Чепмена. Я уже взрослый, и то, что вы по-прежнему обращаетесь со мной как с младенцем, за которым надо присматривать, лишь доказывает, как мало вам можно доверять.

⁶ Всеобщая гуманитарная церковь (ред.)

Мне хорошо известно, с кем из «бывших членов» ВГЦ вы хотите меня свести. Он очень опасный и злой человек, причинивший вред многим невинным людям. Советую больше никогда не пересекаться с Лимом.

Да Благословит Утонувшая Провидица Всех, Кто Почитает Ее.

Уилл

2 мая 2012

Милый Уилл,

Мы были так счастливы получить твое письмо, но оно немного встревожило нас, потому что это так не похоже на тебя, родной.

Уилл, прошу, давай увидимся. Если нам удастся встретиться лично, мы сможем быть уверены, что ты счастлив и знаешь, что делаешь. Это все, о чем мы просим, - встреча лицом к лицу.

Милый, я хочу быть абсолютно честна с тобой. Папа и впрямь поручил кое-кому присматривать за Фермой Чепмена, потому что очень волновался за тебя, но я обещаю - с этим покончено. Папа отменил ту договоренность. Никто за тобой не шпионит, нам не нужно тебя контролировать, Уилл. Мы лишь хотим увидеться и услышать из твоих собственных уст, что ты счастлив и действуешь по собственной воле.

Мы любим тебя, и уверяю, желаем тебе только самого лучшего.

Мама xxx

12 мая 2012

Дорогие Колин и Салли,

Я встречу с вами в Центральном храме на Руперт-Корт в Лондоне, 23 мая в полдень. С собой никого не приводите, особенно бывших членов церкви, потому что их не допустят.

Да Благословит Утонувшая Провидица Всех, Кто Почитает Ее.

Уилл

24 мая 2012

Дорогие Колин и Салли,

Я согласился встретиться с вами вчера, дабы доказать, что абсолютно счастлив и полностью контролирую свой собственный выбор. Вы же оба продемонстрировали запредельный эгоцентризм, проявляли ко мне неуважение и оскорбляли людей, которых я люблю и ценю.

Если вы обратитесь в полицию или снова устроите за мной слежку, я подам на вас в суд. Церковь организовала мне обследование у врача, который засвидетельствует, что я полностью дееспособен, и это вы пытаетесь оказать на меня чрезмерное влияние. Еще я

проконсультировался с юристами ВГЦ. Это мой трастовый фонд, и поскольку дедушка оставил эти деньги мне, а не вам, вы не имеете права мешать исползовать мое наследство во благо.

Да Благословит Утонувшая Провидица Всех, Кто Почитает Ее.

Уилл

16 марта 2013

Милый Уилл,

Понимаю, что пишу это в каждом письме, но, прошу, пожалуйста, выйди на связь. Мы понимаем и уважаем то, что ты желаешь оставаться в ВГЦ.

Все, что нам нужно - знать, что ты счастлив и у тебя все хорошо. Больше всего на свете мы хотим увидеться с тобой. Прошло уже больше года, Уилл. Мы по тебе так сильно скучаем.

Я отправила тебе подарок к дню рождения на Ферму Чепмена. Надеюсь, ты его получил.

Пожалуйста, непременно свяжись с нами. Никто не собирается тебя уговаривать покинуть ВГЦ. Все, чего мы хотим, - твое счастье. Папа глубоко раскаивается из-за того, что наговорил при нашей последней встрече. Мы не сердимся, Уилл, всего лишь отчаянно по тебе скучаем.

Папа тоже добавит от себя пару строк, я же просто хочу сказать, что всем сердцем люблю тебя и всего лишь хочу быть уверена, что с тобой все в порядке.

Мама xxxxxx

Уилл,

Приношу свои искренние извинения за то, что сказал о церкви в прошлом году. Надеюсь, ты сможешь меня простить и выйдешь на связь. Мама очень скучает по тебе, и я тоже.

С любовью,

Папа х

Выдержки из письма юридической фирмы «Кулидж энд Фэйрфакс» мистеру Кевину Пирбрайту, бывшему прихожанину Всеобщей гуманитарной церкви

18 марта 2013 года

ЧАСТНАЯ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.
НЕ ПОДЛЕЖИТ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕДАЧЕ ИЛИ РАСПРОСТРАНЕНИЮ

Уважаемый господин...

Это письмо составлено на том основании, что Вы ответственны за блог «Разоблачение Всеобщей Секты», который ведете под ником «Экс-прихожанин ВГЦ»...

Пост в блоге в апреле 2012 года: «Связь с Эйлмертоном».

22 апреля 2012 года Вы опубликовали в блоге пост под названием «Связь с Эйлмертоном». Запись содержит несколько ложных и крайне дискредитирующих утверждений о ВГЦ. Начальные абзацы гласят:

Подавляющая быстрорастущая масса прихожан церкви, которых привлекли ее идеи о равенстве, многообразии и благотворительном служении, до сих пор находятся в неведении, что Всеобщая гуманитарная церковь возникла из Общины Эйлмертона – печально известной коммуны в Норфолке, которая, как стало известно в 1986 году, оказалась прикрытием для педофильской деятельности семейства Кроутер.

Большинство участников Общины Эйлмертона тогда арестовали вместе с Кроутерами, но те, кому посчастливилось избежать судебного преследования, остались на земле общины, которую они переименовали в «Ферму Чепмена». Эта группа несгибаемых станет основателями ВГЦ.

Читая это, любой благоразумный человек решит, что ВГЦ, по сути, является последователем Общины Эйлмертона под другим названием, а значит, их деятельность схожа, особенно в части педофилии. Оба эти утверждения являются ложными и в высшей степени дискредитируют наших клиентов.

Более того, фразы «посчастливилось избежать судебного преследования» и «группа несгибаемых» наводят благоразумного читателя на мысль, что оставшиеся на земле общины совершили незаконные действия, подобные тем, за которые семья Кроутер и другие попали в тюрьму. В этом утверждении нет ни единого слова правды, оно является ложным и крайне клеветническим по отношению к членам ВГЦ и Совету Глав.

Истинное положение дел:

По факту лишь один из членов ВГЦ когда-либо имел отношение к Общине Эйлмертона: миссис Мазу Уэйс, жена основателя и лидера ВГЦ Джонатана Уэйса.

Когда Общину Эйлмертона распустили, Мазу Уэйс было пятнадцать лет, и на суде она дала показания против братьев Кроутер. Это общеизвестный факт, и его легко проверить по судебным документам и сообщениям в прессе по этому делу.

Миссис Уэйс открыто говорила о своем травмирующем опыте в Общине Эйлмертона, в том числе и на церковных собраниях, которые вы сами же посещали. Миссис Уэйс отнюдь не «посчастливилось избежать судебного преследования», она сама стала жертвой Кроутеров. Обвинение в том, что она была соучастницей мерзких, незаконных действий Кроутеров или иным образом одобряла их, является в высшей степени клеветническим и причинило миссис Уэйс большую боль и страдание. Кроме того, это нанесло и, вероятно, продолжает наносить серьезный репутационный ущерб миссис Уэйс и ВГЦ. Это накладывает на вас значительную ответственность.

Пост в блоге от 28 января 2013 года: «Великая благотворительная афера»

28 января 2013 года вы опубликовали пост под названием «Великая благотворительная афера», в котором заявляете:

В действительности, единственное предназначение ВГЦ – генерировать деньги, в чем они прекрасно преуспевают. В то время как более именитым участникам достаточно просто проповедовать в интервью для СМИ, рядовые прихожане должны каждый день ходить по улицам с жестянками для сбора пожертвований, невзирая на погоду или состояние здоровья, и делать это так долго, сколько потребуются, чтобы насобирать «подношение». Это минимальная сумма в сто фунтов в день, с которой должен возвращаться каждый пехотинец, если только он или она не хотят навлечь на себя гнев крайне неуравновешенного церковного вышибалы Тайо Уэйса - старшего из двух сыновей Джонатана и Мазу Уэйс.

Описание мистера Тайо Уэйса как «неуравновешенного вышибалы» будет интерпретировано разумным читателем как означающее, что мистер Тайо Уэйс агрессивен, непредсказуем и склонен к насилию. Такая классификация в высшей степени дискредитирует мистера Тайо Уэйса и, вероятно, нанесет значительный репутационный ущерб ему, как Главе Церкви, и самой ВГЦ в целом.

Далее Вы пишете:

Куда идут все деньги? Хороший вопрос. Посетители церковного «пристанища» на Ферме Чепмен обратят внимание, что пока обычные прихожане «наслаждаются»

опытом ручного земледелия, спят в неотапливаемых сараях и обменивают свои жестянки для пожертвований на мотыги и конные плуги, жилье, предлагаемое руководству и знаменитым участникам, существенно комфортнее.

Главный фермерский дом расширили и отремонтировали в соответствии со стандартами 21 века, в комплекте с бассейном, джакузи, тренажерным залом, сауной и частным кинотеатром. Большинство Глав ездят на совершенно новеньких авто высшего класса, а Глава церкви Джонатан Уэйс (знакомый прихожанам как «Папа Джей»), всем известно, владеет недвижимостью на Антигуа. Посетители Центрального храма на Руперт-Корт также могут отметить его отделку, становящуюся день ото дня все роскошнее, не говоря уже о расшитых золотом мантиях, которые носят Главы. «Простота, смирение и милосердие»? Скорее «Продажность, двуличие и тщеславие».

И вновь, любой разумный читатель истолкует этот пост, как то, что Совет Глав незаконно присваивает средства, пожертвованные на благотворительность, и перенаправляет их либо в свои карманы, либо на роскошное жилье или одежду. Это полная ложь и в высшей степени очерняет Совет Глав.

Истинное положение дел:

Общеизвестно, что миссис Маргарет Кэткарт-Брайс, обеспеченная, давняя прихожанка церкви, при жизни пожертвовала церкви значительные средства на ремонт Фермы Чепмен, и что после ее смерти в 2004 году Совет Глав был единственным бенефициаром по ее завещанию, благодаря чему Церковь смогла позволить себе приобретение подходящей недвижимости в центре Лондона, Бирмингеме и Глазго для собраний прихожан.

Запись Вашего блога содержит несколько откровенно ложных утверждений. На Ферме Чепмена нет ни джакузи, ни плавательного бассейна, а мистер Джонатан Уэйс не владеет и никогда не владел недвижимостью на Антигуа. Все автомобили, принадлежащие Главам Церкви, были куплены на их собственные зарплаты. Ваше утверждение о том, что члены церкви обязаны собирать по сто фунтов в день, иначе они столкнутся с «гневом» мистера Тайо Уэйса, также полностью ошибочно.

Финансовые операции Церкви полностью открыты и прозрачны. Денежные средства, собранные на благотворительные

цели, никогда не использовались для содержания или ремонта Фермы Чепмен, покупки или модернизации штаб-квартиры ВГЦ в Лондоне, или ради какой-то иной личной выгоды ее Глав. Опять же, предположение о том, что ВГЦ или ее Совет Глав являются «продажными», «двуличными» и «тщеславными», в высшей степени дискредитирует как Церковь, так и ее Совет, и, вероятно, нанесет им серьезный репутационный ущерб. Что увеличивает вашу ответственность.

Пост в блоге от 23 февраля 2013 года: «Утонувшая провидица».

23 февраля 2013 года Вы опубликовали пост под названием «Утонувшая провидица», в котором сделали ряд клеветнических и глубоко оскорбительных заявлений о смерти первенца мистера и миссис Уэйс – Дайю, которая утонула в 1995 году и считается провидицей ВГЦ.

Члены ВГЦ прекрасно усвоили, что, хотя теоретически все провидицы равны, один из них гораздо равнее остальных. Утонувшая Провидица стала центральной фигурой секты ВГЦ, со своими ритуалами и отдельными обрядами. Несомненно, изначально у Мазу Уэйс было желание сохранить свою умершую дочь [Дайю Уэйс] в каком-то смысле «живой», но она наживает на этом и при каждом удобном случае эксплуатирует свою связь с Утонувшей Провидицей. Не многие из тех, кому промыли мозги, достаточно храбры, чтобы спросить (пусть даже шепотом), чем же таким утонувший 7-летний ребенок заслужил статус провидицы. Еще меньше тех, кто осмелился бы отметить странное совпадение: первая жена Джонатана Уэйса (которую всегда вычеркивают из истории ВГЦ) тоже утонула у Кромер-Бич.

Заявления и инсинуации, заключенные в этом абзаце, едва ли могут быть более оскорбительными, ранящими или дискредитирующими мистера и миссис Уэйс или в целом ВГЦ.

Предположение о том, что миссис Уэйс «наживает» или «эксплуатирует» трагическую смерть своей маленькой дочери, является гнусным оскорблением и в высшей степени оскверняет миссис Уэйс как мать и как Главу церкви.

Более того, разумный читатель, скорее всего, сделает вывод из брошенной вами фразы о «странном совпадении» касательно случайного утопления миссис Дженнифер Уэйс, что есть нечто подозрительное либо в смерти миссис Дженнифер Уэйс, либо в том

факте, что Дайю Уэйс встретила свой конец трагически похожим образом.

Истинное положение дел:

29 июля 1995 года 7-летняя Дайю Уэйс утонула в море недалеко от Кромер-бич. Как известно из открытых источников, и это легко можно проверить по судебным протоколам и статьям в СМИ, посвященным расследованию ее смерти, в тот день ранним утром один из членов церкви увез Дайю на пляж, не спросив разрешения родителей. Мистер и миссис Уэйс были раздавлены известием о том, что их дочь утонула, купаясь без присмотра.

То, что некоторые члены церкви после смерти становятся «провидцами», это часть системы верований ВГЦ. Религиозные убеждения защищены английским законодательством.

Правдивый отчет о трагической смерти миссис Дженнифер Уэйс также доступен в судебных протоколах и статьях в прессе о ходе расследования. Миссис Дженнифер Уэйс умерла в праздничный день в мае 1988 года. В воде у нее случился сильнейший припадок эпилепсии, и, несмотря на все попытки находившихся поблизости пловцов спасти ее, она утонула. Многочисленные свидетели на дознании дали показания, что мистера Джонатана Уэйса не было в море в тот момент, когда миссис Уэйс тонула, и что он бросился в воду, как только понял, что происходит, но не успел спасти жену. Мистер Уэйс был безутешен из-за безвременной кончины первой жены и вовсе не стремился вычеркнуть ее из своей личной истории, он публично отметил тот факт, что трагедия укрепила его растущую религиозную веру, к которой он обратился за утешением. Любое предположение об обратном является ложным, злонамеренным и крайне клеветническим в отношении мистера Джонатана Уэйса.

Более того, крайне дискредитирующим является описание церкви как «секты» или предположение о том, что ее членам «промывают мозги». Все члены ВГЦ посещают церковь по собственной воле и могут уйти в любое время.

В заключение...

Электронная переписка между бывшим участником ВГЦ мистером Кевином Пирбрайтом и сэром Колином Эденсором

Кевин Пирбрайт
20 марта 2013
Письмо адвоката из ВГЦ
Кому: Сэру Колину Эденсору

Уважаемый Колин,

Этим утром я получил письмо от юриста из ВГЦ, в котором мне предписали закрыть свой блог, иначе они заставят меня заплатить, отправят под суд и т.д. и т.п., как они обычно и поступают со всеми бывшими членами. И прекрасно! Я хочу, чтобы дело дошло до суда. Но у меня нет денег на адвоката, поэтому я подумал, не могли бы вы мне помочь, поскольку мне кажется, что по делу о клеветничестве вряд ли можно получить юридическую помощь. Я делаю это для всех, кому промыли мозги, включая Уилла. Нужно пролить свет на то, чем занимаются эти ублюдки.

Книга и впрямь хорошо продвигается. Плюс, все их действия, направленные против меня сейчас, - это добавление новых глав!

Всего наилучшего,
Кевин

Сэр Колин Эденсор
20 марта 2013 года
Re: Письмо адвоката из ВГЦ
Кому: Кевин Пирбрайт

Дорогой Кевин,

Буду рад помочь с оплатой услуг адвокатов. Я попрошу своего юриста, Рентона, который уже знает о мерзких действиях ВГЦ в отношении нашего сына. Держите меня в курсе событий, и был рад слышать, что работа над книгой продвигается успешно. Думаю, она будет иметь большую ценность.

С уважением,
Колин

Отрывок из интервью с актрисой Ноли Сеймур в журнале «Дух времени», январь 2014 г.

Я спрашиваю о двух крошечных китайских иероглифах, вытатуированных прямо под левым ухом Сеймур: новые дополнения к ее и без того обширной коллекции боди-арта.

– О, я сделала их в прошлом месяце. Они означают «Джинзи» или «золото» по-английски. Это отсылка к Золотому Провидцу Всеобщей гуманитарной церкви.

Мне сказали, что Сеймур не будет отвечать на вопросы о ее членстве в неоднозначной ВГЦ, но раз уж она сама подняла эту тему, я спрашиваю, что она думает о постоянно циркулирующих негативных слухах о церкви.

– Ноли не хотела бы это обсуждать, – вмешивается пиар-агент Сеймур, но его клиентка игнорирует это.

– О, пожалуйста, – восклицает она, закатывая ослепительно-голубые, как у ребенка, глаза. – Есть ЧТО-ТО злое в желании помочь бездомным и подарить праздник детям, оставшимся без присмотра, так что ли? Seriously, неужели у людей нет занятий поважнее, чем нападать на организацию, которая приносит сплошную пользу?

– По правде говоря, – продолжает она, впервые наклоняясь ко мне с серьезным видом, – Всеобщая гуманитарная церковь, пожалуй, самая прогрессивная религия всех времен. В ней собрано воедино все. Она стремится к всеобщности, поскольку это и есть жизнь, это и есть человечество: стремление к единству и целостности. Это одна из тех вещей, которая так привлекает меня в церкви. Типа, во всех религиях есть осколки истины, но ее не разглядишь, пока не соберешь их воедино. Так что, вы сможете найти в ней огромное разнообразие. Мы изучаем все Священные писания, без исключения. Приходите к нам на собрание. Многие приходят туда чисто из любопытства а потом, типа, остаются.

Не слишком меня удивив, в этот момент вмешивается пиарщик Сеймур, напоминая Ноли, что мы здесь ради обсуждения ее последнего фильма.

Электронная переписка между сэром Колином Эденсором и его адвокатом Дэвидом Рентоном

Сэр Колин Эденсор
27 мая 2014
Трастовый фонд Уилла Эденсора
Кому: Дэвиду Рентону

Дорогой Дэвид,

Приношу свои извинения за то, что погорячился во время нашего телефонного разговора утром. Уверен, вы понимаете, что вся эта ситуация накладывает свой отпечаток, особенно в свете недавнего диагноза Салли.

Я полностью осознаю, что Уилл уже совершеннолетний и что он отказывается проходить дальнейшее психиатрическое обследование, но меня обескураживает эта ситуация «курица или яйцо», в которой мы оказались. Вы говорите, что в настоящее время нет оснований, на основании которых судья признал бы Уилла психически нездоровым. Он присоединился к опасной секте и оборвал все контакты с семьей и бывшими друзьями. Разумеется, это само по себе является доказательством его неуравновешенности, и дает основания для дальнейшей экспертизы.

Сам факт того, что доктор Энди Чжоу является Главой ВГЦ, становится основанием для лишения его права лечить членов церкви или давать заключения об их состоянии. Я понимаю, что Чжоу остается практикующим психологом, но следует полагать, что членство Чжоу в ВГЦ представляет собой, в лучшем случае, вопиющий конфликт интересов, когда речь заходит об оценке психического здоровья уязвимых членов церкви, владеющих крупными трастовыми фондами.

Как вы знаете, в четверг на собрании попечителей Уилла мое ходатайство отклонили, так как большинство высказало мнение, что для удержания его средств нет никаких законных оснований. Таким образом, общая сумма денег, которую с момента присоединения к ВГЦ Уилл вывел из своего траста, составляет 95 тысяч фунтов стерлингов. Не верю, что Уилл когда-либо намеревался внести залог за дом или купить машину, поскольку он все еще живет на Ферме Чепмена, и нет никаких свидетельств того, что он брал уроки вождения.

Как я уже говорил Вам по телефону, Кевин Пирбрайт готов засвидетельствовать в суде, что состоятельными людям, таким как Уилл, выдаются шаблонные письма, которые они переписывают своим почерком при подаче заявки на получение средств. Никто из тех, кто знает Уилла, вряд ли поверит, что он сам написал последние два письма, отправленные в Попечительский совет. Замечу, что когда речь заходит о получении наличных, он не упоминает Утонувшую Провидицу.

Буду признателен за любой совет о том, как выйти из тупика, в котором мы оказались. Полагаю, болезнь Салли была вызвана стрессом на протяжении последних двух лет, но мы оба по-прежнему отчаянно беспокоимся о нашем сыне.

Ваш,
Колин

Дэвид Рентон
27 мая 2014
Re: Трастовый фонд Уилла Эденсора
Кому: Сэру Колину Эденсору

Дорогой Колин,

Благодарю за это. Конечно же я понимаю, что это чрезвычайно стрессовая ситуация для вас с Салли, и я искренне вам сочувствую, особенно в свете недавнего диагноза Салли.

Хотя у нас с вами и могут возникнуть сомнения и вопросы относительно Всеобщей гуманитарной церкви, она является

юридически зарегистрированной организацией и ни разу не была привлечена к судебной ответственности.

К сожалению, у меня есть сомнения относительно авторитетности Кевина Пирбрайта, если мы представим его перед судьей. Ему уже приходилось отказываться от неточных сведений в постах своего блога о ВГЦ, а некоторые из его рассказов о церкви вызывают недоверие, особенно о Явлениях Провидцев, которые он продолжает приписывать сверхъестественным причинам.

Если вы знаете каких-то других экс-прихожан ВГЦ, которых можно было бы убедить дать показания относительно использования принудительного контроля, шаблонных писем и прочего, тогда, думаю, дело выгорит, но, боюсь, если продолжать его вести с Кевином в качестве единственного свидетеля, ваши шансы ничтожно малы.

Прошу прощения за столь мрачный прогноз, Колин. Если вы сможете разыскать других бывших прихожан церкви, буду рад передумать.

Всего наилучшего,
Дэвид

Отрывок из интервью с писателем Джайлсом Хармоном, журнал «КликЛит», февраль 2015 г.

КЛ: Некоторые читатели заметили довольно глубокий сдвиг в ваших взглядах на религию в последнем романе.

ДХ: На самом деле это вовсе не сдвиг. Скорее развитие, эволюция. Я продвинулся всего лишь на несколько шагов вперед с того места, где находился ранее. Причем все это произошло, когда я наткнулся на уникальный способ удовлетворения того, что считаю всеобщей потребностью в божественном, которая при этом не влечет за собой никакого сопутствующего зла, характерного для традиционных религий.

КЛ: Вы пожертвуете все гонорары от «Священного рассвета» Всеобщей гуманитарной церкви?

ДХ: Пожертвую, да. Меня глубоко впечатлили изменения, которые ВГЦ внесла в жизни многих, очень многих незащищенных людей.

КЛ: Во время ваших первых чтений произошел инцидент, когда бывшего члена ВГЦ увели из зала. Можете это прокомментировать?

ДХ: Полиция сказала, что бедняга серьезно болен психически, но больше я ничего не знаю.

КЛ: Известно ли вам о публичных комментариях сэра Колина Эденсора по поводу ВГЦ? В частности, что это секта?

ДХ: Полнейшая ерунда. Я едва ли смогу представить какую-либо другую группу, менее похожую на секту. Это место кишит интеллектуальными профессионалами - врачами, писателями, учителями, и весь принцип заключается в том, чтобы свободно исследовать любую философию и различные системы верований, включая атеизм. Я бы посоветовал каждому непредубежденному, интеллигентному человеку, разочаровавшемуся в традиционной религии, заглянуть на собрание ВГЦ, потому что, думаю, их очень удивит то, что они там обнаружат.

Электронная переписка между сэром Колином Эденсором и Кевином Пирбрайтом

Сэр Колин Эденсор
2 марта 2015
Чтения Джайлса Хармона
Кому: Кевин Пирбрайт

Уважаемый Кевин,

Я был крайне огорчен, прочитав о вашем поведении на чтении книги Джайлса Хармона. Меня озадачило, как, по-вашему, кому-либо из нас поможет то, что вы выступите публично и начнете осыпать оскорблениями уважаемого автора. Учитывая, что «Роупер Чард» также публикуют Хармона, не удивлюсь, если они расторгнут с Вами контракт.

Колин

Кевин Пирбрайт
20 марта 2015
Re: Чтения Джайлса Хармона
Кому: Сэру Колину Эденсору

Если бы вы там были, то поняли бы, почему я встал и сказал Хармону все, что о нем думаю. Все эти гребаные богачи, вроде него и Ноли Сеймур, никогда не узнают, что происходит на Ферме Чепмена. Их используют как инструменты вербовки, а они слишком тупы и высокомерны, чтобы осознать это.

Работа над книгой застопорилась, так что «Роупер Чард», вероятно, все равно меня кинет. Сейчас во мне всплывают многие моменты, которые, как мне кажется, я ранее подавлял. Была ночь, когда всем детям раздавали напитки, в которые, как я теперь думаю, могли подмешать наркотики. Мне снятся кошмары о

наказаниях. Бывают еще такие отрезки времени, когда я ничего не могу вспомнить.

Я повсюду чувствую присутствие Утонувшей Провидицы возле себя. Если со мной что-нибудь случится, это будет она.

Кевин

Письма сэра Колина и леди Эденсор их сыну Уильяму

14 декабря 2015

Дорогой Уилл,

Доктора дают маме 3 месяца. Умоляю тебя связаться с нами. Маму терзает мысль о том, что она, возможно, больше никогда тебя не увидит.

Папа

14 декабря 2015

Дорогой Уилл,

Я умираю. Пожалуйста, Уилл, позволь мне взглянуть на тебя. Это мое последнее желание.

Прошу, Уилл. Я не могу покинуть этот мир, не увидев тебя снова. Уилл, я так сильно люблю тебя и всегда, всегда буду любить. Если бы я могла хоть еще один раз обнять тебя, я бы умерла счастливой.

Мама xxxxxx

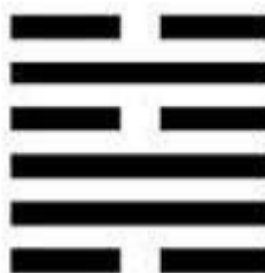
2 января 2016

Дорогой Уилл,

Вчера мама умерла. Врачи полагали, что у нее в запасе больше времени. Если ты хотел бы посетить ее похороны, дай мне знать.

Папа

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Цзин / «Колодец»

*КОЛОДЕЦ. Город может измениться,
Но колодец не меняется.⁷*

«И Цзин» – «Книга перемен»

⁷ Гексаграмма говорит, что есть возможность. Но не следует действовать быстро. Будьте осторожны, иначе возникнет отчаяние, но надежда творит чудеса. Расширяйте свои знания о жизни и мире. И ваш колодец будет наполнен до краёв чистой родниковой водой.

1

...совершенный человек осторожен в своих словах и умерен в еде и питье.

«И Цзин» – «Книга перемен»

Февраль 2016

Частный детектив Корморан Страйк с плачущим младенцем на руках стоял в уголке маленького и душного переполненного шатра. Сверху на брезент лил сильный дождь, и неровный звук его барабанищих капель слышался даже сквозь болтовню гостей и крики его новоиспеченного крестника. Обогреватель за спиной Страйка работал чересчур интенсивно, но он не мог двинуться с места, поскольку оказался зажатым в угол тремя сорокалетними блондинками, которые держали в руках пластиковые бокальчики с шампанским и по очереди выкрикивали вопросы о его самых громких расследованиях. Страйк согласился подержать малыша, пока мать ребенка отлучится в ванную, но, по его ощущениям, ее отсутствие растянулось на целый час.

– Когда, – громко вопрошала самая высокая из блондинок, – вы поняли, что это не было самоубийством?

– Потребовалось время, – крикнул Страйк в ответ, полный негодования из-за того, что ни одна из этих женщин не предложила подержать ребенка. Наверняка им известна какая-нибудь из этих тайных женских уловок, которая могла бы его утихомирить? Он предпринял попытку осторожно покачать ребенка на руках туда-сюда. Но тот завизжал еще пронзительнее.

Позади тех блондинок выделялась брюнетка в шокирующем розовом платье, которую Страйк заметил еще в церкви. Перед началом службы она громко болтала и хихикала, сидя на скамье, и привлекла повышенное внимание к своей персоне, на весь зал воскликнув «Ой», когда на головку спящего ребенка полилась святая вода, чем перевела взоры половины прихожан от купели на себя. Теперь их взгляды пересеклись. Ее ярко-синие, словно морская гладь, глаза были столь искусно подчеркнуты макияжем, что на фоне оливковой кожи и длинных темно-каштановых волос они

сияли, как аквамарины. Страйк первым прервал зрительный контакт. Точно так же, как съехавшая набекрень шляпка и замедленная реакция гордой старушенции подсказали Страйку, что та уже изрядно перебрала, так и этот взгляд просигнализировал ему, что от женщины в розовом жди неприятностей.

– А Шеклуэллский Потрошитель, – спросила блондинка в очках, – вы прям *физически* его поймали?

Нет, телепатически.

– Прошу прощения, – воскликнул Страйк, потому что через застекленные двери, ведущие на кухню, только что заметил Илсу – мать своего крестника. – Нужно вернуть его матери.

Он протиснулся мимо разочарованных блондинок и женщины в розовом, направившись к выходу из шатра, по пути к которому гости расступались перед ним, словно воспринимали вопли младенца как сирену.

– О боже, прости, Корм, – вскинулась светловолосая Илса Герберт в очках. Прислонившись к стене, она разговаривала с напарником Страйка, детективом Робин Эллакотт, и ее парнем, офицером уголовного розыска Райаном Мерфи. – Давай сюда, его нужно покормить. Сходишь со мной, – добавила она, обращаясь к Робин, – я хотела бы поговорить... И захвати стакан воды, пожалуйста?

Охрененно, подумал Страйк, наблюдая, как Робин уходит, чтобы наполнить стакан у раковины, оставляя его наедине с Райаном Мерфи, который, как и Страйк, был намного выше шести футов ростом. На этом их сходство заканчивалось. В отличие от частного детектива, напоминавшего Бетховена с переломанным носом с тугими завитками темных волос и от природы угрюмым выражением лица, Мерфи обладал классической привлекательностью, с его высокими скулами и волнистой светло-каштановой прической.

Пока оба мужчины подыскивали тему для разговора, к ним присоединился старый друг Страйка Ник Герберт, гастроэнтеролог и отец ребенка, который только что надрывал его барабанные перепонки. Ник, чьи песочного цвета волосы начали редеть уже в двадцать с небольшим, теперь стал наполовину лысым.

– Итак, каково это – отречься от сатаны? – спросил Ник у Страйка.

– Конечно, было мучительно больно, – парировал детектив, – но мы мирно разбежались.

Мерфи рассмеялся, и его тут же поддержал кто-то еще, стоявший прямо за Страйком. Он обернулся: женщина в розовом

последовала за ним из шатра. Покойная тетя Страйка Джоан сочла бы розовое платье неуместным для крестин: облегающее, на «запах», с глубоким V-образным вырезом и подолом, практически полностью обнажающим загорелые ноги.

– Я хотела предложить подержать ребенка, – произнесла она звучным голосом с хрипотцой и улыбнулась Страйку, который отметил, как взгляд Мерфи скользнул от декольте женщины обратно к ее глазам. – Люблю детей. Но вы вдруг ретировались.

– Интересно, а что на крестинах полагается делать с тортом? – спросил Ник, разглядывая большую, неразрезанную глыбу фруктового торта с глазурью, стоящую на островке посреди кухни и увенчанную голубым медвежонком.

– Может, есть? – предположил голодный Страйк. Он успел забросить в себя всего пару бутербродов, прежде чем Илса вручила ему ребенка, и, как понял, другие гости уничтожили большую часть имеющейся еды, пока он был заточен в шатре. И снова женщина в розовом рассмеялась.

– Да понятно, но сначала же надо сделать фото или как? – спросил Ник.

– Фото, – кивнула женщина в розовом, – конечно же.

– Тогда нам придется подождать, – развел руками Ник. Окинув Страйка взглядом с ног до головы сквозь очки в проволочной оправе, он спросил: – Сколько ты уже скинул?

– Три стоуна⁸, – ответил Страйк.

– Так держать, – похвалил его Мерфи, стройный и подтянутый в своем однобортном костюме.

Да пошел ты, упырь самодовольный.

⁸ 19 кг

2

*Шестерка в пятой позиции означает...
Твой спутник прокусил покров.
К нему идут, откуда ж быть позору?⁹*

«И Цзин» – «Книга перемен»

Робин сидела на краешке двуспальной кровати в супружеской спальне. Комната, оформленная в голубых тонах, выглядела опрятной, за исключением двух выдвинутых ящичков в основании гардероба. Робин довольно давно знала Гербертов, чтобы догадаться, что в таком положении их оставил Ник: его жена постоянно жаловалась на то, что он не задвигает ящички и не закрывает дверцы шкафов.

Адвокат Илса в данный момент устроилась в кресле-качалке в углу, где малыш уже жадно присосался к ее груди. Так как сама Робин выросла в фермерской семье, ее ничуть не смущали посапывающие звуки, издаваемые младенцем. А вот Страйк счел бы их несколько неприличными.

– От этого чертовски хочется пить, – пожаловалась Илса, залпом выпивая большую часть воды. Передав Робин пустой стакан, она добавила: – Кажется, моя мама набралась.

– Похоже на то. Никогда не встречала более счастливой бабушки, – улыбнулась Робин.

– Верно, – вздохнула Лиза. – Вот чертова Бижу.

– Чертова кто?

– Громкоголосая дамочка в розовом! Да ты видела ее, эти сиськи невозможно пропустить, почти вываливаются из платья. Терпеть ее не могу, – яростно заявила Илса. – Ей все время нужно быть в центре внимания, черт побери. Она была в том же кабинете, когда я приглашала двух других гостей, и видимо решила, что я зову и ее, а мне не пришло в голову как ответить «нет».

– Ее зовут Бижу? – недоверчиво переспросила Робин. – Как отель что ли?

⁹ Появляется верный человек, но во взаимном отчуждении его нелегко узнать. Он прокусывает разделяющие пелены, и долг того, кому он спутник, - открыть свою суть, преодолеть отчуждение, приблизиться и начать совместную работу. (из книги «Понимание И Цзин», Вильгем Рихтер)

– Как изголодавшуюся по мужикам занозу в заднице. Ее настоящее имя Белинда, – пояснила Илса, после чего изобразила раскатистый, страстный голос, – «но все зовут меня Бижу».

– Но почему?

– Потому что она сама так пожелала, – сердито ответила Илса, и Робин рассмеялась. – У нее роман с женатым королевским адвокатом¹⁰, и я молю Бога, чтобы в ближайшее время не пересечься с ним в суде, потому что она чересчур много поведала нам об их развлечениях в постели. Она совершенно не стесняется говорить о том, что пытается забеременеть от него и увести от жены... но, может, я просто злюсь... что ж, я злая. Мне сейчас не нужны женщины восьмого размера поблизости. Это шестнадцатый, – вздохнула она, глядя на свое темно-синее платье. – Никогда в жизни не была такой огромной.

– Ты только что родила и выглядишь просто прелестно, – твердо заверила ее Робин. – Все так говорят.

– Вот за это ты мне и нравишься, Робин, – усмехнулась Илса, слегка поморщившись от восторженного сосания своего сына. – Как дела с Райаном?

– Все хорошо, – ответила Робин.

– Сколько уже? Семь месяцев?

– Восемь, – поправила Робин.

– Хм, – неопределенно отреагировала Илса, улыбаясь своему малышу.

– Что такое?

– Корм явно не в восторге от этого. Это читалось по его лицу, когда вы с Райаном держались за руки возле церкви. И я заметила, что Корм скинул чуть ли не тонну.

– У него не оставалось выбора, – пожала плечами Робин, – ведь в том году начались большие проблемы с ногой.

– Ну, раз ты считаешь, что поэтому... Райан вообще не пьет?

– Нет, я же рассказывала: он алкоголик. В завязке два года.

– А... ну, он кажется милым. И детей хочет, – добавила Лиза, бросив взгляд на свою подругу. – Он сам как-то говорил мне об этом.

– Вряд ли мы станем заводить детей спустя восемь месяцев после знакомства, Илса.

– Корм никогда не хотел детей.

Робин проигнорировала это замечание. Она прекрасно знала: Ник с Илсой в течение нескольких лет надеялись, что они со

¹⁰ В некоторых странах Содружества адвокаты, назначаемые короной. Они не являются отдельным профессиональным орденом, но их статус, установленный патентными письмами, признаётся королевским двором. Чтобы стать королевским адвокатом, необходимо проработать адвокатом не менее пятнадцати лет.

Страйком станут друг для друга большим, чем просто партнерами и лучшими друзьями.

– Видела Шарлотту в «Мэйл»¹¹? – спросила Илса, поняв, что Робин не собирается обсуждать стремления Страйка к отцовству или их отсутствие. – С этим, как его... Дормером?

– Ммм, – протянула Робин.

– Я бы сказала «бедный парень», но он выглядит достаточно крепким, чтобы справиться с ней... хотя, заметь, Корм тоже таким казался, что не помешало ей значительно подпортить ему жизнь.

Шарлотта Кэмпбелл была бывшей невестой Страйка, с которой он то встречался, то расставался на протяжении шестнадцати лет. Недавно получившая развод, Шарлотта стала часто мелькать в колонках светской хроники вместе со своим новым бойфрендом Лэндоном Дормером, трижды женатым американским миллиардером с вытянутой челюстью, владеющим сетью отелей. Увидев свежие фотографии пары от папарацци, Робин мельком отметила, что несмотря на прежнюю ослепительность Шарлотты в этом алом платье-комбинации, ее взгляд казался странно пустым и остекленевшим.

В дверь спальни постучали, и вошел муж Илсы.

– Мы пришли к единому мнению, – заявил Ник жене, – что перед тем, как разрезать крестильный торт, надо сфотографироваться.

– Что ж, вам придется подождать еще немного, – ответила измотанная Илса, – потому что он закончил только с одной стороной.

– И еще одна новость: твоя подружница Бижу пытается разговорить Корма, – ухмыляясь, добавил Ник.

– Какая она мне, к черту, подружница, – парировала Илса, – и тебе лучше его предупредить, что она двинутая на всю голову. Ой, – сердито вскрикнула она, сверкнув глазами на своего сына.

Внизу, на переполненной кухне, Страйк все еще стоял возле неразрезанного крестильного торта, пока Бижу Уоткинс, имя которой ему пришлось переспросить, чтобы убедиться, что он правильно расслышал, обрушивала на него стремительный поток сплетен о работе, перемежаемый взрывами смеха над собственными шутками. Говорила она чрезвычайно громко: Страйк сомневался, что на кухне остался хоть кто-то, кто ее не слышал.

–...с Харкнессом – вы знаете Джорджа Харкнесса? Королевский адвокат?

¹¹ «Daily Mail» — массовая британская ежедневная газета-таблоид. Выходит с 1896 года. Вторая после «The Sun» по величине тиража ежедневная газета в Великобритании.

– Угу, – солгал Страйк. Либо Бижу воображала, что частные детективы регулярно посещают судебные заседания, либо относилась к той категории людей, которые считают, что подробности и персоналии их профессии столь же интересны всем, как и им самим.

–...в общем, я занималась делом Уинтерсона - Дэниела Уинтерсона? Торговля ценными бумагами?

– Да-да, – кивнул Страйк, оглядывая кухню. Райан Мерфи куда-то исчез. Страйк надеялся, что тот свалил.

–...а мы, конечно же, не могли допустить промах в еще одном деле, поэтому Джерри мне говорит: «Бижу, ты нужна мне в своем лифчике с пуш-апом, есть такой судья Роулинз...»

Она снова хихикнула, когда несколько гостей мужского пола оглянулись на Бижу, кто-то из них ухмылялся. Страйк, не ожидавший такого поворота разговора, поймал себя на том, что пялится на ее декольте. Фигура у нее была, бесспорно, потрясающая: тонкая талия, длинные ноги и большая грудь.

–...вы же знаете судью Роулинз, верно? Пирс Роулинз?

– Угу, – снова солгал Страйк.

– Ну вот, значит, он настоящий ловелас, поэтому я иду в суд в таком виде...

Предплечьями она прижала свои груди друг к другу и снова издала гортанный смешок. Ник, только что вернувшийся на кухню, поймал взгляд Страйка и ухмыльнулся.

–...и вот, да уж, мы сделали все возможное, и когда огласили вердикт, Джерри сказал: «Отлично, в следующий раз обойдемся без трусиков, ты просто наклонишься, чтобы поднять ручку».

Она расхохоталась в третий раз. Страйк, который мог лишь догадываться, куда его пошлют две коллеги женского пола, Робин и экс-полицейский Мидж Гринстрит, если он предложит им подобные стратегии для выуживания сведений у свидетелей или подозреваемых, ограничился небрежной улыбкой.

В этот момент на кухне снова появилась Робин, на этот раз одна. Страйк провожал ее взглядом, пока она сквозь толпу пробиралась к Нику, чтобы что-то ему сообщить. Он редко видел, чтобы Робин зачесывала свои светло-рыжие волосы наверх, но это ей очень шло. Ее светло-голубое платье было гораздо скромнее, чем у Бижу, но выглядело новым: куплено в честь мастера Бенджамина Герберта, подумал Страйк, или специально для Райана Мерфи? Пока он наблюдал, Робин обернулась, и, заметив его, улыбнулась поверх моря из голов.

– Прошу прощения, – сказал он, прерывая Бижу на середине анекдота, – мне нужно кое с кем переговорить.

Он взял два уже наполненных бокала с шампанским, стоявших рядом с тортом для крещения, и стал прокладывать себе путь сквозь толпу смеющихся, подвыпивших друзей и родственников в сторону Робин.

– Привет, – начал он. В церкви им не удалось толком поговорить, хотя они и стояли бок о бок у купели, совместно отрекаясь от сатаны. – Хочешь выпить?

– Спасибо, – поблагодарила Робин, беря бокал. – Мне казалось, ты не любишь шампанское?

– Не смог разыскать здесь лагерь. Ты получила мой e-мэйл?

– О сэре Колине Эденсоре? – понизив голос, уточнила Робин. Поняв друг друга без слов, пара переместилась в более тихое место в углу. – Да. Странно, но на днях я как раз читала статью о Всеобщей гуманитарной церкви. Ты заметил, что их штаб-квартира находится примерно в десяти минутах от нашего офиса?

– Да, на Руперт-Корт, – кивнул Страйк. – Когда я был там в прошлый раз, видел на Уордор-стрит девушек с жестянками для подаваний. Как ты смотришь на то, чтобы вместе сходить на встречу с Эденсором во вторник?

– Положительно, – воскликнула Робин, надеясь, что Страйк ей это предложит. – Где он хочет встретиться?

– В Реформ-клубе¹², он является их членом. Мерфи уже ушел? – небрежно поинтересовался Страйк.

– Нет, – ответила Робин, оглядываясь по сторонам, – но ему нужно было позвонить по работе. Может, он где-то снаружи.

Произнеся это вслух, Робин вознегодовала от собственного чувства неловкости. Ей следовало бы научиться непринужденно говорить о своем парне с лучшим другом, но, учитывая не слишком теплый прием от Страйка в тех редких случаях, когда Мерфи заходил за ней в офис, сделать это оказалось гораздо труднее.

– Как там Литтлджон вчера? – переключился Страйк.

– Да нормально, – пожала плечами Робин, – но я еще не встречала более молчаливых людей.

– Приятное разнообразие после Морриса и Натли, верно?

– Ну, наверное, – неуверенно произнесла Робин, – но малость раздражает три часа сидеть с кем-то в машине в гробовой тишине. А если ему что-нибудь и скажешь, то в ответ получишь лишь бурчание или нечто односложное.

¹² Частный клуб на южной стороне Пэлл-Мэлл в центре Лондона

Месяцем ранее Страйку удалось подыскать нового сотрудника для агентства. Клайв Литтлджон, немногим старше Страйка, тоже служил в отделе специальных расследований и лишь недавно уволился из армии. Он был довольно крупный, с квадратной фигурой и тяжелыми веками, которые придавали ему вид вечно уставшего человека. Свои тронутые сединой волосы он по-прежнему стриг коротко, по-военному. На собеседовании Клайв объяснил, что после постоянных передряг и отлучек армейской жизни, они с женой хотели бы более стабильной жизни для своих детей-подростков. Судя по последним четырем неделям, он оказался добросовестным и надежным, но Страйк вынужден был признать, что его молчаливость доходила до невообразимой крайности, и он не мог припомнить, чтобы Литтлджон хоть раз улыбнулся.

– Пэт он не нравится, – добавила Робин.

Пэт была секретарем агентства и заядлой курильщицей пятидесяти восьми лет, с неправдоподобно черными волосами, которая выглядела, по меньшей мере, лет на десять старше.

– Я не полагаюсь на суждения Пэт о чьем-то характере, –отреагировал Страйк.

Та теплота, с которой секретарь относилась к Райану Мерфи всякий раз, когда тот заходил за Робин в офис, не осталась для него не замеченной и ему это было не нраву. По какой-то странной логике ему казалось, что все в агентстве должны относиться к Мерфи с такой же враждебностью, как и он.

– Похоже, Паттерсон порядочно напорточил в деле Эденсора, – заметила Робин.

– Ага, – сказал Страйк с нескрываемым удовлетворением, вызванным тем фактом, что он и глава конкурирующего детективного агентства Митч Паттерсон ненавидели друг друга. – Они были чертовски неосмотрительны. После письма Эдерсона, я почитал об этой церкви, и должен отметить, что было бы большой ошибкой их недооценивать. Если мы возьмемся за эту работу, то возможно, что кому-то из нас придется действовать под глубоким прикрытием. Это не смогу быть я, нога слишком приметна. Скорее всего, больше подойдет Мидж. Она не замужем.

– Как и я, – быстро вставила Робин.

– Но это будет непохоже на то время, когда ты притворялась Венецией Холл или Джессикой Робинс, – возразил Страйк, подразумевая персонажей, в которых перевоплощалась Робин, работая под прикрытием во время предыдущих расследований. – Не получится: отработал и домой. Возможно, на какое-то время придется оборвать все связи с внешним миром.

– И что? – спросила Робин. – Я к этому готова.

У нее было странное ощущение, что ее сейчас проверяют.

– Ну что ж, – воскликнул Страйк, который и впрямь узнал то, что хотел, – все равно мы еще не получили эту работу. Если до этого дойдет, тогда и решим, кто больше подходит по всем параметрам.

В этот момент на кухне вновь появился Райан Мерфи. Робин машинально отшатнулась от Страйка, к которому ей пришлось приблизиться, что сохранить приватность беседы.

– Что это вы двое замышляете? – улыбаясь, спросил Мерфи, хотя в его глазах промелькнула настороженность.

– Никакого заговора, – развела руками Робин. – Просто рабочие дела.

Держа на руках своего, наконец-то, насытившегося, спящего сына, на кухню вернулась Илса.

– Торт! – закричал Ник. – Крестные, дедушки с бабушками, пожалуйста, пройдите сюда для фотографии.

Когда из шатра люди хлынули на кухню, Робин оказалась в самой гуще толпы. На пару мгновений она вспомнила напряженность, царившую в ее браке: вопрос Мерфи ей не понравился, как и настойчивость Страйка в желании выяснить, действительно ли она столь предана работе, как незамужняя Мидж.

– Ты держишь Бенджи, – распорядилась Илса, когда Робин подошла к ней. – Тогда я могу встать у тебя за спиной и буду смотреться хуже.

– Что за глупости, ты великолепно выглядишь, – пробормотала Робин, но взяла спящего крестника на руки и повернулась лицом к камере, которую держал краснолицый дядя Илсы. За островком, где стоял крестильный торт, началась толкотня и перестановки: все стремились повыше поднять телефонные камеры. Подвыпившая мать Илсы больно наступила Робин на ногу, но ошибочно извинилась перед Страйком. Спящий младенец оказался на удивление тяжелым.

– Сыр! – проревел дядя Илсы.

– Тебе идет! – воскликнул Мерфи, поднимая воображаемый тост за Робин.

Краем глаза она заметила как мимо промелькнуло что-то ослепляюще розовое: Бижу Уоткинс нашла дорогу к Страйку с другой стороны. Несколько раз сработала вспышка, ребенок на руках Робин пошевелился, но продолжил спать, и момент для потомков был запечатлен: затуманенная улыбка гордой бабушки, встревоженное выражение лица Илсы, блики в очках Ника, придававшие ему зловещий вид, и слегка натянутые улыбки на

лицах крестных родителей, прижатых друг к другу за мишкой из голубой глазури. Страйк размышлял над тем, что только что крикнул Мерфи, а Робин - как Бижу наклонилась к ее партнеру-детективу, полная решимости появиться на снимке.

3

*Проявлять осмотрительность и не забывать о
доспехах – верный путь к самосохранению.¹³*

«И Цзин» – «Книга перемен»

В восемь вечера того же дня Страйк вернулся в свою мансарду на Денмарк-стрит, с ощущением вздутия, как всегда у него бывало после шампанского, и чувством какой-то неопределенной подавленности. Обычно по дороге домой он брал еду на вынос, но при выписке из больницы, где в прошлом году пролежал три недели, ему дали строгие указания снизить вес, пройти курс физиотерапии и бросить курить. С тех пор, как ему оторвало ногу в Афганистане, Страйк впервые прислушался к врачам.

Поэтому, без особого энтузиазма он положил овощи в недавно купленную пароварку, достал из холодильника филе лосося и отмерил горсть цельнозернового риса, все это время стараясь не думать о Робин Эллакотт, но преуспел лишь в том, что понял, как трудно ему это дается. Какими бы правильными ни были установки, с которыми он вышел из больницы, Страйка по-прежнему тяготила проблема, которую нельзя было решить простой сменой образа жизни: проблема, по правде говоря, мучавшая его гораздо дольше, чем он хотел это признавать, но с которой ему, в конце концов, пришлось столкнуться, наблюдая с больничной койки, как Робин уходит на свое первое свидание с Мерфи.

Вот уже несколько лет он убеждал себя, что роман с его партнером по агентству не стоит того, чтобы ради него рисковать самой ценной дружбой или ставить под угрозу бизнес, который они вместе построили. Пусть жизнь в полном одиночестве в маленькой мансарде над офисом и сопровождалась трудностями и лишениями, Страйк воспринимал их как цену, которую стоило заплатить за независимость и покой после бесконечных бурь и душевной боли его длительных отношений с Шарлоттой.

И все же шок, вызванный известием о свидании Робин с Райаном Мерфи, заставил Страйка признать, что влечение, которое он испытывал к напарнице с того самого момента, когда она

¹³ Из описания гексограммы 43 «Выход». Это время принимать решения, а затем действовать четко и ясно в соответствии с намеченной целью.

впервые сняла пальто в его офисе, медленно, против его воли, трансформировалось в нечто большее, чему он в конце концов был вынужден дать определение. Любовь подкралась к нему в неожиданной форме, от чего он слишком поздно осознал опасность, чтобы успеть ее предотвратить.

Впервые с тех пор, как встретил Робин, Страйк не был заинтересован в поиске каких-то сексуальных связей, чтобы отвлечься и сублимировать любые неудобные чувства, которые он мог испытывать к своей напарнице. В последний раз, когда Страйк искал утешения у другой женщины, какой бы прекрасной она ни была, все закончилось проколом шпильки в ногу и тягостным ощущением тщетности попыток. У него все еще не было ответа на вопрос, стоит ли, в случае разрыва отношений Робин с Мерфи, на что он искренне надеялся, затевать разговор, которому он когда-то изо всех сил сопротивлялся, с целью выяснить истинные чувства самой Робин. Причины, по которым им не стоило начинать роман, по-прежнему сохранялись. С другой стороны (надо же было этому мудаку Мерфи ляпнуть «Тебе идет!» при виде Робин с ребенком на руках), он опасался, что деловое партнерство в любом случае может распасться, если Робин вдруг решит, что брак и дети привлекательнее карьеры детектива. Так, Корморан Страйк, похудевший и подтянутый, с чистыми легкими, в одиночестве стоял на своем чердаке, сердито тыкая деревянной ложкой в брокколи и думая о том, что не надо думать о Робин Эллакотт.

Звонок мобильного телефона стал желанной отдушиной от этих мыслей. Сняв с огня лосося и рис с овощами, он ответил.

– Все в порядке, Бунзен? – произнес знакомый голос.

– Штырь, – воскликнул Страйк. – Как дела?

Хотя звонивший был его старым другом, вспомнить его настоящее имя детектив не смог бы при всем желании. Мать Страйка, Леда, подобрала с улицы оставшегося сиротой хронического хулигана Штыря в возрасте шестнадцати лет, когда того пырнули ножом, и привела его к ним в сквот. Впоследствии Штырь стал для Страйка кем-то вроде сводного брата и, вероятно, был единственным человеком, который никогда не видел никаких недостатков в неисправимо взбалмошной Леде, гонящейся за новыми впечатлениями.

– Нужна помощь, – ответил Штырь.

– Продолжай, – сказал Страйк.

– Разыскать одного чувака.

– Зачем? – насторожился Страйк.

– Нет, это не то, о чем ты подумал, – успокоил его Штырь. – Я не собираюсь с ним связываться.

– Ладно, – Страйк затыкнулся вейп-ручкой¹⁴, которая продолжала снабжать его никотином. – Кто он такой?

– Папаша Анжелы.

– Чей папаша?

– Анжелы, – пояснил Штырь, – моей падчерицы.

– О, – удивленно произнес Страйк. – Вы поженились?

– Нет, – нетерпеливо сказал Штырь, – но мы живем вместе, я же говорил?

– Так в чем там проблема, алименты?

– Не-а, – сглотнул Штырь. – Мы только что узнали, что у Анжелы лейкомия.

– Твою мать, – ругнулся ошарашенный Страйк. – Сочувствую.

– И она хочет увидеть своего настоящего отца, а мы понятия не имеем, где его искать. Он еще тот сученыш, – добавил Штырь, – но сученыш не моего формата.

Страйк понял, что Штырь имеет ввиду, поскольку у того были обширные связи в криминальном мире Лондона, и он с легкостью мог бы отыскать профессионального афериста.

– Хорошо, говори имя и дату рождения, – Страйк потянулся за ручкой и блокнотом. Штырь продиктовал данные, после чего спросил:

– Сколько?

– Отплатишь тем же, – ответил Страйк.

– Серьезно? – удивленно переспросил Штырь. – Да без вопросов. Будь здоров, Бунзен.

Всегда презиравший пустую телефонную болтовню, Штырь завершил вызов, и Страйк вернулся к своим брокколи и лососю, сочувствуя больному ребенку, желавшему повидаться с отцом, но, одновременно, размышляя о том, как выгодно будет оказать услугу Штырю. Тонкие наводки и обрывки информации, получаемые Страйком от давнего друга и которые порой пригождались в качестве наживки для взаимодействия с полицией, резко росли в цене по мере того, как агентство Страйка становилось все успешнее.

Приготовив еду, Страйк отнес тарелку на маленький кухонный столик, но как только он собрался присесть, его мобильный повторно зазвонил. Вызов был переадресован со стационарного телефона офиса. Прежде чем ответить, он немного поколебался, поскольку у него было предчувствие, что он знает, кого сейчас услышит.

– Страйк.

¹⁴ Разновидность электронной сигареты

– Привет, Блюи, – произнес слегка невнятный голос. Из-за музыки и чьих-то разговоров на заднем фоне было довольно шумно.

Это был уже второй звонок от Шарлотты за неделю. Поскольку у нее больше не было номера его мобильного, единственным способом связаться с ним оставалась служебная линия.

– Я занят, Шарлотта, – холодно произнес он.

– Так и знала, что ты это скажешь... я в таком ужасном клубе. Тебе бы он точно не пришелся по душе...

– Я занят, – повторил он и отключился. Страйк ожидал, что Шарлотта позвонит снова, и она не подвела. Он перевел звонок на голосовую почту и стал снимать пиджак. Озадаченный непонятым шорохом в кармане, Страйк обнаружил там неизвестный листок бумаги. Развернув его, он увидел номер телефона и имя «Бижу Уоткинс». *«Должно быть, ловкая во всем»*, подумал Страйк, оценив сколь незаметно она сунула ему в карман листок. Разорвав бумажку пополам, он выбросил ее в урну и принялся за еду.

4

*Девятка в третьей позиции означает...
 Когда в семье разгораются ссоры,
 Чрезмерная строгость приносит раскаяние.¹⁵*

«И Цзин» – «Книга перемен»

В последний вторник февраля в районе одиннадцати Страйк вместе с Робин ехали из офиса на такси в «Реформ-клуб» - большое серое здание девятнадцатого века, стоявшее на Пэлл-Мэлл.

– Сэр Колин ожидает в кофейне, – провозгласил служитель во фраке, при входе записав их имена, после чего повел детективов через огромный атриум. Робин, до этого полагавшая, что выглядит довольно элегантно в черных брюках и свитере, в которых после можно будет отправиться на слежку, теперь чувствовала себя одетой слегка не к месту. Повсюду на квадратных постаментах, словно на страже, стояли белые мраморные бюсты; с больших, написанных маслом картин в золоченых рамах благосклонно взирали выдающиеся виги¹⁶, а рифленные каменные колонны поднимались от выложенного плиткой пола к балкону первого этажа и оттуда продолжали тянуться к сводчатому стеклянному потолку.

Кофейня, которую они представляли себе небольшим и уютным пространством, оказалась не менее величественным обеденным залом с зелеными, красными и золотыми стенами, удлинёнными окнами и позолоченными люстрами с шарами из матового стекла. Занят был лишь один столик, и Робин сразу узнала их потенциального клиента, потому что читала о нем накануне вечером.

Сэр Колин Эденсор, выходец из рабочей семьи, родился в Манчестере и сделал выдающуюся карьеру на гражданской службе, кульминацией которой стал рыцарский титул¹⁷. Ныне покровитель нескольких благотворительных организаций по вопросам образования и защиты детей, он заработал безупречную репутацию

¹⁵ Из гексаграммы 37 «Цзя-жэнь» - «Домашние, семья». Символ обозначает спокойное время в кругу семьи и предостерегает от перемен в доме.

¹⁶ Старинное название британских либералов и созданной ими в 1780-е гг. политической партии.

¹⁷ Титул рыцаря, дающий его обладателю право на вежливое обращение «сэр», является личным и не передается по наследству. Это низший дворянский титул: рыцари не входят в сословие пэров.

умного и порядочного человека. За последние двенадцать месяцев его имя, ранее фигурировавшее лишь на страницах серьезных изданий, попало в таблоиды из-за резких высказываний Эденсора о Всеобщей гуманитарной церкви, которые вызвали критику со стороны широкого круга лиц, включая известную актрису, уважаемого писателя и различных светских журналистов. Все они выставляли сэра Колина богачом, разъяренным тем фактом, что его сын растрчивает свой трастовый фонд на помощь нуждающимся.

Богатство Эденсора досталось ему благодаря женитьбе на дочери человека, заработавшего миллионы на сети магазинов одежды. Судя по всему, пара была счастлива вместе, учитывая, что брак продлился сорок лет. Салли умерла всего два месяца назад, оставив после себя троих сыновей, из которых Уильям был младше среднего на десять лет. Робин предположила, что двое мужчин, сидевших рядом с сэром Колином, были его старшими отпрысками.

– Ваши гости, сэр Колин, – хотя и без поклона, но почтительно и уважительно сообщил слугитель.

– Доброе утро, – улыбнулся Эденсор, вставая и по очереди пожимая руки детективам.

У их потенциального клиента была густая копна седых волос и тот самый тип лица, которое само по себе вызывает симпатию и доверие. На нем остались запечатлены морщинки от смеха, уголки рта были естественно приподняты, а карие глаза за бифокальными очками в золотой оправе излучали теплоту. В его акценте все еще проскальзывал манчестерский диалект.

– Это братья Уилла: Джеймс и Эдвард.

Джеймс Эденсор, похожий на своего отца, за исключением темно-каштановых волос и менее добродушного выражения лица, встал, чтобы пожать руку, в то время как Эдвард, светловолосый и голубоглазый, остался сидеть. Робин заметила на его виске продолговатый шрам, а у стула – прислоненную трость.

– Очень любезно с вашей стороны встретиться с нами, – начал сэр Колин, когда все расселись. – Желаете чего-нибудь выпить?

Когда Страйк и Робин отказались, сэр Колин слегка прокашлялся и произнес:

– Что ж... Наверное, следует начать с того, что я не уверен, получится ли у вас чем-нибудь нам помочь. Как я говорил по телефону, мы уже пробовали обращаться к частным детективам, но ничего хорошего из этого не вышло. Даже скорее наоборот – только ухудшило ситуацию. Однако семья Чизуэлл, с которой мы давно знакомы, настоятельно вас рекомендовала. Иззи меня заверила, что

если б вы не думали, что сможете помочь, то сразу бы предупредили об этом, и я счел это лучшим комплиментом.

– Мы определенно не беремся за дела, которые считаем безнадежными, – подтвердил Страйк.

– В таком случае, – сложив пальцы вместе, продолжил сэр Колин, – я обрисую ситуацию, а вы сможете высказать мне свое экспертное мнение. Да, конечно же, я не против, – добавил он, отвечая на незаданный вопрос Страйка, когда детектив потянулся к своему блокноту.

Даже если бы Страйк не знал о прежней профессии Эдерсона-старшего, он бы все равно отметил его умение излагать информацию четко и аргументированно, поэтому просто держал ручку наготове.

– Думаю, лучше всего начать с Уилла, – сказал государственный служащий. – Он наш младшенький, и он... не люблю говорить об этом, как о случайности, но Салли было уже сорок четыре, когда она им забеременела, и довольно долго об этом даже не подозревала. Но, оправившись от шока, мы были очень-очень рады.

– Мы с Джеймсом не были, – вставил Эдвард. – Кому понравится узнать, что их сорокалетние родители занимаются *этим*, пока ты не видишь.

Сэр Колин улыбнулся.

– Ладно, ну, скажем так, это для всех стало потрясением, – продолжил он. – Но как только Уилл появился на свет, мы все души в нем не чаяли. Он был очень милым малышом. Уилл всегда отличался смышленостью, но когда ему исполнилось лет шесть-семь, мы забеспокоились, что с ним что-то не так. Он обладал страстным энтузиазмом – даже можно сказать, навязчивыми идеями – и не любил нарушений своего дневного распорядка. То, что было нормальным для других детей, выбивало его из колеи. Ему не нравились большие компании. На детских праздниках его скорее можно было застать наверху за тихим чтением или игрой в одиночестве. Мы немного волновались за него, поэтому отвели к психологу, где ему поставили диагноз «легкая степень аутизма». Нам сказали, что в этом нет никакой трагедии, ничего серьезного. Еще психолог отметил его очень высокий IQ. По правде говоря, это не стало для нас неожиданностью: его память и способность усваивать информацию всегда были выдающимися, а читать он начал, по меньшей мере, лет на пять раньше, чем обычные дети.

– Я все это вам рассказываю, – добавил сэр Колин, – поскольку считаю, что особое сочетание способностей и странностей Уилла, по крайней мере, частично, объясняет, как ВГЦ смогла его завербовать.

Ранее уже случался один инцидент, который нас сильно встревожил и должен был послужить предупреждением.

Когда Уиллу было четырнадцать, он познакомился в школе с парой мальчишек, которые называли себя радикальными социалистами, ведущими что-то вроде всеобщей войны с властью. На тот момент у него еще не было близких друзей, потому Уилл обладал определенной уязвимостью перед людьми, которым он, казалось, нравился. Он проникся их философией всеобщего разрушения и начал изучать всевозможные социалистические теории. Только когда они убедили его поджечь часовню, мы узнали, что происходит. Он был на волосок от исключения, и лишь запоздалое признание одноклассницы спасло его. Она была в курсе, что те мальчишки постоянно дразнили Уилла, чтобы ради забавы посмотреть, как далеко они смогут убедить его зайти.

– После этого мы с Салли посадили его и очень долго разговаривали, – вздохнул сэр Колин. – Как мы поняли, Уиллу тяжело давалось принятие того, что люди могут быть двуличными. Для него мир поделен на черное и белое, и ему кажется, что остальные столь же прямолинейны, как и он. А это оказалось слишком большим искушением для парней, подстрекавших его к поджогу.

– Однако, если не считать того инцидента, больше Уилл не попадал в неприятности, и чем старше он становился, тем легче ему становилось заводить друзей. Показательно, что он приобрел книги по исследованию аутизма, и мог даже пошутить по этому поводу. К тому времени, когда он пошел в выпускной класс, мы с Салли были уверены, что и в университете с ним будет все в порядке. Он доказал, что может заводить хороших друзей, а его оценки были выдающимися.

Сэр Колин сделал глоток кофе. Страйк, которому пришлось по душе то, как излагает факты чиновник, не задавал лишних вопросов, и просто ждал, когда тот продолжит.

– Затем, – сэр Колин поставил свою чашку, – за три месяца до отъезда Уилла в Дарем, Эд попал в очень серьезную автомобильную аварию.

– У грузовика отказали тормоза, – объяснил Эд. – Он протаранил несколько светофоров и врезался в мою машину.

– Господи, – воскликнула Робин. – Вы...?

– Он пробыл в коме пять дней, – пояснил сэр Колин, – и ему пришлось заново учиться ходить. Как вы понимаете, все наше с Салли внимание теперь было приковано к Эду. Салли практически жила в больнице.

– Я виню себя за то, что произошло после, – произнес сэр Колин. Его сыновья попытались запротестовать, но он остановил их: – Нет, позвольте мне сказать. Уилл уехал в университет, и мы перестали общаться так часто, как нужно было. Мне следовало задавать больше вопросов и не стоило принимать все за чистую монету. Он упоминал людей, с которыми выпивал, говорил, что присоединился к паре сообществ, что с его курсовой работой все в порядке – а потом он пропал. Просто собрал вещи и исчез.

Его куратор предупредил нас, и мы очень забеспокоились. Я сам поехал в университет и побеседовал с его друзьями, которые рассказали мне, что он посетил лекцию ВГЦ, проходившую в университете, и разговорился там с несколькими прихожанами, которые дали ему почитать кое-какую литературу и предложили посетить службу, что он и сделал. После возвращения в колледж он забрал все свои вещи из комнаты и сбежал. С тех пор его никто не видел.

Мы вышли на него через их храм на Руперт-Корт и выяснили, что он находится на Ферме Чепмена в Норфолке. Именно там зарождалась ВГЦ, и это место по-прежнему остается их крупнейшим центром идеологической обработки. Прихожанам запрещено пользоваться мобильными телефонами, поэтому единственным способом связи с Уиллом остались рукописные письма, чем мы и воспользовались. В конце концов, под угрозой привлечения полиции, нам удалось вынудить церковь организовать нам встречу с Уиллом в их Центральном храме на Руперт-Корт.

Но все прошло крайне скверно. Это было все равно, что разговаривать с незнакомцем. Уилл был совершенно не похож на себя. На все наши слова он отвечал, как мне теперь известно, шаблонными тезисами и фразочками ВГЦ, и наотрез отказался покидать церковь или возобновлять учебу. Я вышел из себя, что было большой ошибкой, поскольку лишь сыграло на руку церкви и позволило им выставить меня его врагом. Мне следовало поступить как Салли: просто проявить свою любовь и показать, что мы не пытаемся его контролировать или вводить в заблуждение, как, конечно же, про нас говорили Главы церкви.

Если бы я позволил Салли разобраться с этим, у нас, возможно, был бы шанс вызволить нашего мальчика, но я был зол – так зол на то, что он отказался от своей университетской карьеры и что доставляет столько беспокойства и проблем, в то время как мы все еще оставались в неведении, будет ли Эд прикован к инвалидной коляске на несколько месяцев или всю оставшуюся жизнь.

– В каком году это произошло? – спросил Страйк.

– В 2012-м, – ответил сэр Колин.

– То есть, он провел там около четырех лет?

– Верно.

– И с тех пор, как он к ним присоединился, вы видели его лишь единожды?

– Лично – да, а так – только на фото, сделанных «Паттерсон Инкорпорейтед». Хотя Эд как-то встретил его.

– Мы не разговаривали, – вставил Эд. – В прошлом году я попытался подойти к нему на Уордер-стрит, но он просто убежал обратно в храм на Руперт-Корт, поджав хвост. С тех пор я несколько раз прогуливался в этом районе и издали видел его, слоняющимся с жестяной для сборов. Он выглядит больным. Истощенным. Кажется, даже потерял несколько фунтов, при своем высоком росте, которым всегда превосходил всех нас.

– По-видимому, на Ферме Чепмена хронически недоедают, – посетовал сэр Колин. – Там часто постятся. Я многое узнал о внутренней работе церкви от их экс-прихожанина – молодого человека по имени Кевин Пирбрайт. Кевин вырос там. Он попал туда в возрасте трех лет.

– Да, – вмешался Джеймс, который последние несколько минут производил впечатление человека, изо всех сил старающегося держать язык за зубами. – У него хотя бы есть оправдание.

На мгновение воцарилось напряженное молчание.

– Прошу прощения, – сказал Джеймс, хотя по его виду этого не читалось, и затем, очевидно, не в силах больше сдерживаться, решительно заявил: – Слушайте, может, Уилл, и был таким идиотом, чтобы не понимать - поджог школьной часовни не решит проблему бедности во всем мире, но здесь же... Бросьте. Из всех возможных моментов вступить в секту он выбирает именно тот, когда мы в ожидании вердикта – останется ли Эд парализованным до конца жизни?

– Уилл не специально, – покачал головой Эд.

– Нет, он мелкий эгоцентричный засранец, страдающий манией величия, – горячо возразил Джеймс. – Он прекрасно знает, что делает, и у него была масса возможностей бросить все это. Не думайте, что он какой-то невинный недоумок, – бросил он Страйку и Робин. – Уилл может проявлять раздражающую снисходительность к тем, кто не так умен, как он... вы бы послушали его, когда он спорит.

– Джеймс, – тихо обратился к нему Эд, но брат проигнорировал его.

– Моя мама умерла в Новый год. Последнее, что она сделала, пока еще была в сознании, это написала письмо Уиллу, умоляя его хотя бы еще раз увидеться. И ничего. *Никакого* ответа. Он позволил ей умереть в тревоге о нем, в отчаянном желании взглянуть на него, а он и на похороны не явился. Это был *его выбор*, и я никогда ему этого не прощу. *Никогда*. И ни за что. Я все сказал, – отрезал Джеймс, хлопнув ладонями по бедрам, после чего встал на ноги. – Извините, я не могу в этом участвовать, – добавил он и, прежде чем кто-либо еще успел заговорить, вышел из комнаты.

– Так и думал, что это произойдет, – пробормотал Эд.

– Мне очень жаль, – сэр Колин обратился к Страйку и Робин. В его глазах выступили слезы.

– Не волнуйтесь об этом, – успокоил его Страйк. – Мы видели ситуации и похуже.

Сэр Колин снова прочистил горло и с легкой дрожью в голосе продолжил:

– Последней просьбой Салли было спасти Уилла... прошу прощения, – добавил он, когда из-под бифокальных очков потекли слезы, и он потянулся за носовым платком.

Эд с трудом поднялся, намереваясь присесть рядом с отцом. Когда он обходил вокруг стола, Страйк отметил, что тот все еще сильно прихрамывает.

– Ну же, папа, – произнес он, кладя руку на плечо сэра Колина. – Все образуется.

– Обычно на людях мы не ведем себя подобным образом, – сэр Колин постарался изобразить улыбку, вытирая глаза. – Просто Салли... покинула нас... совсем недавно...

Как показалось Робин, официант выбрал самый неподходящий момент, чтобы подойти за заказом.

– Да, прекрасная идея, – прохрипел сэр Колин. – Давайте поедим.

К тому времени, когда были представлены меню и заказаны блюда, к сэру Колину вернулось самообладание. Как только официант отошел за пределы слышимости, он промолвил:

– Конечно, в чем-то Джеймс прав. Уилл обладает потрясающим интеллектом, и он сущий дьявол, когда дело доходит до спора. Я просто пытаюсь объяснить, что из-за своего выдающего ума Уилл всегда отличался всеяющей тревогу *наивностью*. Его намерения исключительно положительны, он и впрямь желает сделать мир лучше, но ко всему прочему, он также обожает порядок и правила, которых нужно придерживаться. До его увлечения провидцами ВГЦ, он погружался в социализм, а если копнуть еще раньше –

Уилл был довольно проблемным бойскаутом – проблемным не только для начальников лагеря, из-за того что не любил их шумных развлечений, но и для нас, с его бесконечными благими устремлениями и желанием подискутировать на тему, является ли хорошим делом то, о чем его попросили, или ему следует проявить собственный акт милосердия, который бы соответствовал всем нормам и правилам.

– Но все же главная проблема Уилла, – подытожил сэр Колин, – в том, что он не видит зла. Теоретически, оно для него – безликая мировая сила, которую следует искоренить. При этом, когда зло творится прямо перед его глазами, он становится совершенно слеп.

– И вы полагает, что ВГЦ – это зло?

– О да, мистер Страйк, – тихо сказал сэр Колин. – Боюсь, что так и есть.

– Вы пробовали навещать его? Организовать еще одну встречу?

– Разумеется, но он отказался. На Ферму Чепмена допускаются только прихожане церкви, а когда мы с Эдом попытались посетить службу в храме на Руперт-Корт, чтобы поговорить с Уиллом, нас отказались впустить. Это зарегистрированная религиозная организация, так что у них есть законное право не пускать посетителей. Исходя из этого, мы сделали вывод, что у них есть фотографии членов семьи Уилла, и церковных служителей проинструктировали, кому запретить вход.

Как я уже говорил по телефону, именно так «Паттерсон Инкорпорейтед» все и испортили. Они послали в храм того же сотрудника, который следил за Фермой Чепмена. По всему периметру этого места установлены камеры, так что руководство церкви уже знало, как выглядел этот человек, и когда он прибыл на Руперт-Корт, ему сказали, что они осведомлены, кто он такой и на кого работает, и что Уилла поставили в известность о моем обращении к частным детективам для слежки за ним. После этого я расторг свой контракт с «Паттерсон». Они не только не смогли найти никакой полезной информации, которая помогла бы вытащить Уилла, но и усугубили церковные обвинения против нашей семьи.

– Значит, Уилл все еще на Ферме Чепмена, правильно я понимаю?

– Насколько нам известно, да. Иногда он отправляется собирать пожертвования в Норвич и Лондон. Бывает, остается на ночлег в храме на Руперт-Корт, но в остальное время он на ферме. Кевин рассказывал, что новобранцы, которые еще не доросли до семинаров и молитвенных собраний, обычно находятся в центрах идеологической обработки – или духовных приютах, как их

называет церковь. Судя по всему, Ферма Чепмена требует значительного физического труда.

– Как Вы познакомились с этим... – Страйк сверился со своими записями, – Кевином Пирбрайтом?

– Я вышел на него через его блог о ВГЦ, – пояснил Эденсор.

– Согласится ли он побеседовать с нами?

– Уверен, что он был бы не против, – тихо произнес сэр Колин, – но его уже нет в живых. В августе прошлого года он был застрелен.

– Застрелен? – одновременно повторили Страйк и Робин.

– Именно. Одна пуля в голову в его собственной квартире в Каннинг-Тауне. И это не было самоубийством, – предвосхитил вопрос Страйка сэр Колин. – На месте происшествия не нашли никакого оружия. Паттерсон поговорил с представителем полиции: они полагают, что убийство связано с наркотиками. Видимо, Кевин приторговывал ими.

– Вы знали об этом?

– Нет, но я бы не стал... Думаю, бедняга хотел произвести на меня впечатление, – печально воскликнул сэр Колин. – Хотел казаться более рассудительным, чем на самом деле являлся. У него больше не было никого, потому что остальные члены его семьи до сих пор остаются в ВГЦ. Я никогда не бывал у него дома, и лишь ближе к концу он признался, как сильно на нем все это сказалось, как тяжело было описывать все, что с ним случилось, пытаюсь собрать воедино свои воспоминания для книги о ВГЦ. Мне следовало догадаться, следовало дать какой-нибудь совет. И не стоило забывать, что это надломленный человек, и к нему нельзя относиться как к своего рода оружию, которое можно использовать против церкви.

Последний раз я контактировал с ним примерно за месяц до его убийства. Мы тогда только узнали, что болезнь Салли неизлечима, и я отчитал Кевина за его иррациональное и неконструктивное поведение: то есть за те его поступки, которые, вне зависимости от моего желания вытащить Уилла ВГЦ, вредили ему самому. На автограф-сессии Джайлза Хармона он устроил сцену с криками и руганью. Я же все пытался вразумить его, что подобная тактика приведет лишь только к обратным результатам, но он был так рассержен, так ожесточен.

– А Вы полагаете, это было убийство из-за наркотиков?

Эд покосился на отца, который помедлил перед своим ответом.

– Я был в довольно расстроенных чувствах, когда услышал о том, что в него стреляли, и... признаюсь, первым делом подумал о ВГЦ.

– Но потом Вы передумали?

– Да, так и есть. Им не нужно оружие - у них есть дорогие адвокаты. Они настоящие асы в своем деле и умеют мастерски пресекать любую критику: статьи в расположенных к ним СМИ, продвижение с привлечением знаменитостей... По правде говоря, Кевин был для них слишком мелкой сошкой, даже если ему бы и удалось закончить свою книгу. Они уже принуждали его дать опровержение серьезным заявлениям, которые он сделал в своем блоге, а также выдвинули против него встречные обвинения в жестоком насилии.

– Какого характера?

– Сексуального, – пояснил сэр Колин. – Они утверждали, что он жестоко обращался со своими сестрами. Согласно письму, полученному Кевином от Совета Глав, обе девочки выдвинули против него довольно подробные обвинения. Это теперь уже мне известно, что сексуальное насилие в этих кругах носит повсеместный характер. Одна из благотворительных организаций, с которой я взаимодействую, помогает тем, кого удалось спасти, так что я слишком хорошо знаком со статистикой и не обольщаюсь: множество приятных внешне людей за закрытыми дверями творят омерзительные вещи. Конечно, я не могу сбрасывать со счетов вероятность жестокого обращения Кевина с этими девочками, но если порассуждать, то верь церковь в его виновность, то логичнее было бы сообщить в полицию, а не писать Кевину письма с угрозами. Так что, мне кажется, это была просто очередная попытка припугнуть его, и, учитывая то, что Кевин рассказывал мне о внутренней кухне церкви, думаю, что, скорее всего, и его сестер запугали, чтобы они подписали эти заявления... Я хотел присутствовать на похоронах Кевина, – грустным тоном добавил сэр Колин, – но это оказалось невозможно. Я навел справки: его мать, которая все еще находится в церкви, решила похоронить его на Ферме Чапмена. Должен признаться, меня это сильно расстроило... Кевин так упорно боролся за то, чтобы оттуда выбраться...

Наконец, принесли их еду. Страйк, который заказал сибаса взамен любимому стейку, спросил:

– Есть ли какие-нибудь законные основания, с помощью которых можно что-то сделать в отношении ситуации с Уиллом?

– Поверьте, я перепробовал все, – покачал головой сэр Колин, берясь за нож и вилку. – У Уилла есть трастовый фонд, который ему оставил отец Салли. Он уже вывел оттуда половину денег в пользу ВГЦ. Я хотел, чтобы его осмотрел психиатр, но когда в церкви пронюхали об этом, они организовали ему осмотр с одним из своих

врачей, который выдал Уиллу идеальную справку о состоянии здоровья. Он совершеннолетний и признан абсолютно вменяемым. Это полнейший тупик.

Я пытался вызвать интерес к деятельности церкви в политической среде, но, похоже, все боятся браться за это дело, учитывая количество ее сторонников среди звезд и хваленую благотворительность. Я даже подозреваю одного члена парламента в том, что он является их прихожанином. Он агитирует за церковь в парламенте и очень агрессивен в отношении тех, кто ее критикует. Я пробовал использовать свои связи в СМИ, чтобы разоблачить их, но там тоже опасаются привлечения к суду. Никто не хочет с ними связываться.

Кевин намеревался подать в суд на ВГЦ из-за жестокого обращения с ним и его семьей. Мы с Салли были рады профинансировать это дело, но мои адвокаты сочли, что шансы Кевина на успех невелики. Не только из-за того, что ему уже приходилось выпускать опровержение заявлений, сделанных в своем блоге; он верил в очень странные вещи.

– Какие, например?

– Он был совершенно убежден, что мир духов реален. По-настоящему верил, что ВГЦ может вызывать мертвых. Паттерсон попытался разыскать других людей, которые могли бы дать показания, но никого не нашел.

– Вы когда-нибудь думали о том, чтобы вернуть Уилла с применением силы? Просто схватить его на Уордер-стрит?

– В качестве крайней меры мы обсуждали это с Салли, – признался сэр Колин, – но нас напугал тот случай в далеком 1993 году, произошедший с молодым человеком, чья семья именно так и поступила. Его звали Александр Грейвс. Тоже из обеспеченной семьи. Его отец в буквальном смысле похитил его с улицы, когда тот собирал милостыню. После этого Грейвс пребывал в очень плохом психическом состоянии, и пару дней спустя повесился в семейном доме.

– В последние несколько лет я много читал об управлении сознанием, – продолжал сэр Колин, и пока он говорил, его еда стыла. – Сейчас мне известно гораздо больше, чем в начале о методах, которые использует ВГЦ, и об их эффективности. Кевин поведал мне о многом из того, что там творится, и это классическая сектанская манипуляция: ограничение информации, контроль над мыслями, эмоциями и все прочее. Теперь я понимаю, почему Уилл так быстро переменялся. Он буквально не в своем уме.

– Такого просто не могло быть, – согласился Эд. – Не прийти, когда мама умирает, не присутствовать на ее похоронах. В прошлом году у Джеймса и его жены родились близняшки, а он их даже не видел.

– Так какого результата Вы ожидаете от нас? – поинтересовался Страйк.

Сэр Колин отложил нож с вилкой и потянулся под стул за стареньким черным портфелем, из которого извлек тонкую папку.

– Прежде чем юристы ВГЦ заставили Кевина провести цензуру своего блога, я распечатал копии. Кроме того, здесь также есть два подробных e-мэйла от Кевина, поясняющие участие его семьи в жизни церкви и описывающие некоторые инциденты, в которых он был свидетелем или непосредственным участником. Он упоминает места, людей и выдвигает, по крайней мере, одно обвинение уголовного характера в отношении Джонатана Уэйса, основателя ВГЦ. Если хотя бы кого-нибудь из тех, кого Кевин называет в этих документах, можно будет убедить заговорить или даже дать показания, особенно о принуждениях или методах по контролю сознания, то, возможно, я смог бы хоть что-то сделать на законных основаниях. Как минимум, мне бы хотелось убедить ВГЦ позволить мне снова встретиться с Уиллом.

– Но в идеале вы хотели бы вытащить его оттуда?

– Конечно, – кивнул сэр Колин, – но я допускаю, что это может оказаться неосуществимо.

Отчет «Паттерсон Инкорпорейтед», если он чего-то стоит, тоже приложен. Главным образом они сосредоточились на наблюдении за передвижениями Уилла, как он приходит и уходит на Руперт-Корт и на Ферму Чепмена. Их план заключался в том, чтобы заснять оскорбительное или запугивающее поведение церковных служителей на камеру или намек от Уилла на то, что он несчастлив и его принуждают к чему-то. Агенты под прикрытием подошли к нему на улице и попытались завязать разговор, но он уверял их в том, что совершенно счастлив, и даже пытался завербовать их и выпросить наличные... Ну, так что думаете? – сэр Колин переводил взгляд со Страйка на Робин и обратно. – Наше дело совсем безнадежно?

Прежде чем Страйк успел ответить, Робин протянула руку за документами, которые принес с собой сэр Колин.

– Нет, – ответила она. – Мы будем очень рады вам помочь.

5

*Шестерка в пятой позиции означает:
Постоянная добродетель, проявляемая через
стойкость, есть успех для жены...¹⁸*

«И Цзин» – «Книга перемен»

– Все в порядке, – спустя час успокаивал Страйк Робин, извинявшуюся за то, что она взялась за это дело, не посоветовавшись с ним. – Я бы и сам ответил то же самое, просто у меня был полный рот картошки.

Распознавшись с Эденсорами, детективы уединились в соседнем пабе. «Золотой лев» оказался небольшим, но богато декорированным заведением в викторианском стиле, где они разместились на высоких барных стульях, обтянутых кожей, за круглым столиком.

– Прошлой ночью я полазила на сайте ВГЦ, – рассказывала Робин, потягивая апельсиновый сок, поскольку вскоре ей нужно было идти на слежку. – У них в собственности куча элитной недвижимости. То здание на Руперт-Корт в самом центре Вест-Энда, должно быть, обошлось им в целое состояние, и это не говоря о храмах и центрах в Бирмингеме и Глазго. Могли ли они заработать столько денег законным способом?

– Ну, по всей стране проходят их тренинги по самореализации за пятьсот фунтов в день и молитвенные ретриты по штуке за сеанс. У них более десяти тысяч прихожан, собирающих подаяния, жертвующих пятую часть своей зарплаты и оставляющих им наследство. Все это превращается в огромные накопления. Казалось бы, настоящий рай для Налоговой инспекции, так что либо они и впрямь чисты, либо у них чертовски крутой бухгалтер, который знает, как ловко скрыть махинации. Но, к сожалению, брать деньги у идиотов еще не преступление.

– Так значит, ты согласен с Джеймсом? Уилл – идиот?

Прежде чем ответить, Страйк отхлебнул пива.

¹⁸ Из гексаграммы 32. Хэн. «Постоянство». Толкование: вы достигли постоянства. Теперь перед вами выбор. Если вы предпочтете действовать, как женщина, то путь будет открыт. Если вы выберете мужской образ действий (то есть активная и агрессивная внешняя деятельность), то путь будет закрыт.

– Скажу так: людям, которые вступают в секты, обычно явно чего-то не хватает.

– А как же Джайлз Хармон? Богатый, успешный писатель, по-настоящему умен...

– Я солидарен с Оруэллом, – произнес Страйк. – «Некоторые идеи настолько абсурдны, что в них может поверить только интеллеktуал»... Знаешь, я не вижу других вариантов повернуть это дело должным образом, кроме как внедрить кого-то под прикрытием на Ферму Чепмена.

Именно к этой части разговора Робин готовилась последние пару дней.

– Тогда следует начать с посещения храма на Руперт-Корт. Я поразбирался в теме: нельзя просто так заявиться на Ферму Чапмена, надо получить от них приглашение, а значит, вас должны завербовать в одном из храмов. Кто бы ни отправился на Руперт-Корт, ему понадобится тщательно продуманный образ с предысторией для первого контакта с членами церкви, и мне кажется, чтобы стать действительно привлекательной приманкой для вербовки, его внешний вид должен говорить, что у него куча денег.

Страйк, который прекрасно понимал, что слушает самопрезентацию, произнес:

– И я полагаю, ты не думаешь, что Барклай, Шах или Литтлджон будут убедительны в роли богатых проповедников.

– Ну, – рассуждала Робин, – сомневаюсь, что терпения Барклай хватит больше, чем на час, он там просто взвоят от всего происходящего. Литтлджон, конечно, стал бы идеальным кандидатом, будь эта церковь Орденом молчания...

Страйк рассмеялся.

–...у Дэва маленькие дети, так что он вряд ли захочет отсутствовать неделями. Возможно, Мидж... но она никогда раньше не работала под прикрытием. Я знаю, что тоже не делала ничего подобного, не в таких масштабах, – затараторила Робин, не дав Страйку вмешаться, – но мою конспирацию ни разу не раскрыли, даже когда я целыми днями изображала Венецию Холл в Палате общин.

– А что, если работа продлится несколько недель? – спросил Страйк.

– Значит, буду работать несколько недель, – неопределенно пожала плечами Робин.

Так вышло, что Страйк уже тоже внутренне решил, что для этой работы лучше всего подойдет именно Робин, но у него

существовал и скрытый мотив для принятия ее предложения. Вынужденная разлука на несколько недель, пока она будет на Ферме Чепмена, могла спровоцировать напряжение в ее отношениях с Райаном Мерфи, а большего Страйку и не надо было. Однако, поскольку он не хотел слишком быстро соглашаться, чтобы его не раскусили, то просто кивнул и сказал:

– Окей, что ж, может и сработает. Но надо все хорошенько продумать.

– Понимаю. Я не смогу носить парик на Ферме Чепмена, поэтому подумываю о радикальной стрижке.

– Что, правда? – расстроился Страйк. Ему нравились ее волосы.

– Придется, я уже несколько лет мелькаю в окрестностях Руперт-Корта. Последнее, что нам нужно, – чтобы кто-нибудь узнал меня, особенно если они засекли, как я входила/выходила из офиса.

– Ладно, справедливое замечание, – пришлось согласиться Страйку, – но брить голову нет необходимости.

– Я же не собираюсь примкнуть к кришнаитам, – парировала Робин. – Мне кажется, подойдет что-то короткое, может, какого-нибудь смелого оттенка, но не «вырви глаз». Такая девушка, получившая частное образование, которая хочет выделяться, но не настолько радикально, чтобы шокировать родителей и подтолкнуть их перекрыть ей доступ к счетам. Возможно, она недавно перенесла тяжелый разрыв, и теперь ищет новую цель в жизни, которая смогла бы заполнить пространство, образовавшееся после срыва свадьбы... что-то в этом роде.

– Смотрю, ты немало об этом думала, – усмехнулся Страйк.

– Ну разумеется. Я очень хочу это дело.

– Почему? – поинтересовался Страйк. – Что тебя так сильно в нем привлекает?

– Меня всегда интересовала тема управления сознанием. Мы касались этого в рамках моего университетского курса.

Пока не бросила университет, Робин изучала психологию. Незаконченное высшее образование было одной из их тех вещей, которая объединяла их со Страйком.

– Ладно, что ж, кажется, все звучит довольно убедительно. Проработай детальный образ для конспирации, и мы подкорректируем рабочий график так, чтобы каждое утро субботы у тебя оставалось свободным для посещения храма.

– Единственная загвоздка – одежда, – задумалась Робин. – По моему внешнему виду не скажешь, что у меня куча денег.

– Ты всегда прекрасно выглядишь, – возразил Страйк.

– Спасибо, – Робин слегка покраснела. – Но если я собираюсь убедить ВГЦ, что у меня денег куры не клюют, то такие вещи, – она подняла свою сумку, которую носила лет шесть, – все испортят. Думаю, можно взять напрокат пару дизайнерских нарядов и аксессуаров. Правда, я ни разу такого не делала, но знаю, что ты мог бы помочь.

– Знаешь я и впрямь могу помочь, – неожиданно осенило Страйка. – Ты могла бы позаимствовать что-нибудь у Пру.

– У кого?

– Моей сестры, – пояснил Страйк. – Пруденс. Психотерапевта.

– О, – заинтригованно воскликнула Робин.

За все время она встречалась лишь с двумя из восьми сводных братьев и сестер Страйка, да и то мельком. Его семья была, мягко говоря, непростой. Страйк был внебрачным сыном рок-звезды, которого он видел лишь дважды в жизни, и покойной матери, прозванной в прессе супер-группы. Хотя Робин и была в курсе, что несколько месяцев назад Страйк впервые согласился встретиться со своей сводной сестрой Пруденс, но она не подозревала, что теперь они в таких отношениях, чтобы та одалживала дорогую одежду его напарнице.

– Думаю, у вас примерно одинаковый... – Страйк сделал неопределенный жест, заменяя слово «размер». – Я ее попрошу. Возможно, тебе придется заехать к ней домой на примерку.

– Без проблем, – кивнула слегка удивленная Робин. – Будет классно, если Пруденс согласится что-то одолжить совершенно незнакомому человеку.

– Ты не совершенно незнакомый человек, я ей много рассказывал о тебе, – успокоил ее Страйк.

– Ну и... значит, у вас все хорошо? – поинтересовалась Робин. – У вас с Пруденс?

– Ага, – кивнул Страйк. Он сделал еще глоток пива. – Она мне гораздо больше нравится, чем остальные дети моего отца... правда, надо признать, планка низковата.

– Тебе нравился Ал, – возразила Робин.

– Более менее. Он все еще злится, что я не пошел на ту чертову вечеринку в честь Рокби... Куда ты направляешься сегодня?

– Сменяю Дэва в Бекслихите, – Робин сверила время на телефоне. – Вообще-то, мне уже пора идти. А что у тебя?

– Выходной. Я отсканирую все материалы в офисе и скину тебе по электронке, – ответил Страйк, указывая на картонную папку с документами, которую Колин Эденсор передал Робин.

– Отлично, – кивнула Робин. – Тогда до завтра.

6

*Шестерка в четвертой позиции означает:
Припрячь «в мешок» достоинства свои.
Не жди ни порицания, ни хвалы.¹⁹*

«И Цзин» – «Книга перемен»

Шестиминутную прогулку от «Золотого льва» до станции «Грин Парк» Робин посвятила занятию, от которого решительно отучала себя в течение последних восьми месяцев: думая о Корморане Страйке в каком угодно контексте, кроме рабочего или дружеского.

Давно назревшее осознание собственной влюбленности в партнера по бизнесу обрушилось на Робин Эллакотт в прошлом году, когда она узнала про его роман, который он тщательно от нее скрывал. В тот момент Робин приняла единственно верное, как ей казалось, решение – просто разлюбить, и, руководствуясь этим настроением, спустя несколько недель согласилась на первое свидание с Райаном Мерфи.

С тех пор она делала все возможное, чтобы закрыться от своих чувств к Страйку, надеясь, что со временем любовь угаснет и сойдет на нет от недостатка внимания. На практике это означало, что, оставшись наедине с собой, она решительно отметала все мысли о нем, и отказывалась проводить сравнительные параллели с Мерфи, как это пыталась сделать Илса в день крестин. Когда же, несмотря на все ее усилия, вторгались отдельные нежелательные воспоминания – о том, как Страйк обнял ее в день свадьбы, или об опасном пьяном моменте у «Ритца» на ее тридцатый день рождения, когда он приблизился для поцелуя, – Робин напоминала себе, что ее партнер был холостяком, совершенно довольным своей жизнью, перемежающейся романами с, как правило, прекраснейшими женщинами. В свои 41 он ни разу не был женат, добровольно жил один в спартанских условиях в мансарде над офисом и имел глубоко укоренившуюся склонность возводить барьеры на пути к близости. Хотя в отношении Робин, эта сдержанность отчасти ослабла, она не забыла, как быстро все вернулось обратно после той ночи в «Ритце».

¹⁹ Гексаграмма 2 «Кунь» - «Исполнение». Время неустойчивости, таящее в себе разные возможности. Если будете держаться в тени, то избежите опасности, но не сможете рассчитывать на похвалу. Тщательно обдумывайте свои поступки.

Короче говоря, Робин пришла к выводу, что чего бы она когда-либо ни желала, Страйку совершенно точно этого никогда не хотелось.

Поэтому находиться рядом с Мерфи, чье стремление быть рядом было заметно невооруженным глазом, приносило ей удовольствие и облегчение. Помимо привлекательности и ума сотрудника уголовного розыска, у них было нечто общее в виде детективной работы, что составляло весьма приятный контраст с хорошо оплачиваемым финансистом Мэтью, ее бывшим мужем, который никогда не понимал тяги Робин к этой, как он считал, эксцентричной и небезопасной карьере. К тому же, она вновь наслаждалась сексуальной жизнью, которая, надо признать, оказалась значительно более удовлетворительной, чем та, что была у нее до развода.

И все же между ней и Райаном оставалось нечто такое, что ей было трудно объяснить. Быть может, некая *настороженность*, вытекающая из их прошлых неудавшихся браков. Оба знали, как сильно могут ранить близкие люди и потому относились друг к другу очень бережно. Будучи мудрее, чем во время отношений с Мэтью, находясь рядом с Райаном, Робин старалась не слишком много говорить о Страйке, не упоминала о военных подвигах напарника и не рассказывала никаких веселых историй, представлявших его в слишком забавном или привлекательном свете.

Хотя они с Мерфи поделились многими подробностями своих жизней, Робин понимала, что она, как и Райан, рассказывает отредактированную версию. Возможно, когда тебе перевалило за тридцать, это уже неизбежно. Открывать свое сердце Мэтью, с которым она познакомилась еще в школе, было гораздо проще: в то время ей казалось, что она делится самыми сокровенными секретами, хотя теперь, оглядываясь назад, Робин понимала, что в то время ей особо-то и нечем было делиться. Ей потребовалось шесть месяцев, чтобы поговорить с Райаном о жестоком изнасиловании, положившем конец ее университетскому диплому, но все же она умолчала о том, что главным фактором, приведшим к краху ее брака, стали постоянная ревность и подозрительность Мэтью в отношении Страйка. Со своей стороны, Райан не сильно делился с ней о годах своего пьянствования и выдал, как она догадывалась, усеченную версию причин расставания с женой. Робин понимала, что если их отношения продолжатся, то, в конце концов, им придется обсудить эти вещи. Однако сейчас личная жизнь без сцен ревности и изматывающих обид вносила весьма приятные перемены.

Учитывая все это, размышления об эмоциональном подтексте ранее сказанных слов Страйка были попросту бесполезны, отчего Робин почувствовала себя несправедливой по отношению к Мерфи. Скорее всего, Страйк совершенно спокойно говорил такие вещи, как «ты всегда прекрасно выглядишь» и «я ей много рассказывал о тебе», потому что теперь у нее были постоянные отношения с другим мужчиной. Спускаясь к станции, она твердо напомнила себе, что Страйк – ее лучший друг и не более, после чего заставила свои мысли вернуться к работе в Бекслихите.

7

Данная гексаграмма указывает на ситуацию, когда темное начало, будучи устраненным, украдкой вновь неожиданно вторгается изнутри и извне.²⁰

«И Цзин» – «Книга перемен»

Страйк планировал вернуться в офис, как только приговорит свою пинту, но находиться в «Золотом льве» оказалось настолько приятно, что его посетила мысль – почему бы с тем же успехом не изучить материалы Колина Эденсора здесь, в месте, где подают пиво. Поэтому он заказал себе вторую пинту и, при первой же возможности, перебрался со своего барного стула на свободную кожаную скамью за столик пониже, после чего раскрыл папку. Внутри, поверх стопки бумаг, лежало длинное электронное письмо сэру Колину от покойного Кевина Пирбрайта.

Уважаемый Колин,

Заранее извиняюсь, что если письмо выйдет длинным, но вы интересовались участием моей семьи в делах Всеобщей гуманитарной церкви и о том, как я пришел к тому, чтобы оставить то место и все остальное, так что рассказываю.

Моя мать вступила в ВГЦ, когда мне было три года, а моим сестрам по шесть и восемь лет. Важно сказать, что мама – меня приучили называть ее Луизой, поскольку ВГЦ запрещает звать кровных родственников иначе, как по имени, – отнюдь не глупа. Пусть она выросла в бедности, и у нее не было возможности поступить в университет или куда-то еще, однако ума ей не занимать. Она очень рано выскочила замуж за моего отца, но когда мне был годик, он ушел из семьи. Помню, что в молодости Луиза была очень хорошенькой.

Мне неизвестно, когда она впервые услышала проповеди Джонатана Уэйса, но знаю, что тут же влюбилась в него без памяти. Многие женщины в ВГЦ были без ума от него. Как бы то ни было, она собрала вещи из нашей муниципальной квартиры²¹ и увезла нас на Ферму Чепмена. (Позже мне пришлось собирать все это воедино по крупицам из рассказов моих сестер, потому что сам я ничего не помню о нашей жизни до ВГЦ.)

²⁰ Гексаграмма 44 «Гоу» - «Перечение». Здесь говорится о ситуации, в которой вновь выступает тьма. Это выражено в виде женского образа, который стремится получить власть.

²¹ Муниципальный дом или муниципальная квартира - это форма британского государственного жилья, построенного местными властями.

После этого нам уже некуда было деваться, кроме как остаться жить в ВГЦ. Это и впрямь распространенное явление. Люди отдают церкви все, как доказательство приверженности своей новой жизни. Некоторые прихожане даже продают дома и передают все деньги церкви.

Ферма Чепмена - это место основания ВГЦ. Там захоронены пять пророков, и поскольку оно располагается в сельской глуши, а не в городе, туда, как правило, направляют прихожан, которым требуется повторная идеологическая обработка. Существуют и другие центры - в одном из них, распложенном в Бирмингеме, моя старшая сестра Бекка провела три года (сейчас она занимает довольно высокое положение в церкви), и Эмили тоже позволено выезжать для сбора денег, но мы с Луизой никогда не покидали ферму.

ВГЦ учит, что нормальные семейные отношения или моногамные сексуальные связи являются формой материалистической одержимости. Если вы хороший человек, то связаны духовно со всеми членами церкви и одинаково любите всех их. Как только мы оказались там, Луиза старалась придерживаться учения, но мы трое всегда знали, что она наша настоящая мать. Образование детей по большей части заключалось в чтении и заучивании трактатов ВГЦ, но, пока мы оципывали цыплят, Луиза втихаря обучала нас с Беккой и Эмили таким вещам, как, например, таблица умножения.

Будучи совсем маленьким, я реально считал Джонатана Уэйса своим отцом. Мы все звали его «Папа Джей», а я знал, что такое семья, поскольку это упоминалось в Библии и других священных книгах, которые мы изучали. О том, что на самом деле я не состою в родстве с Папой Джемом, до меня дошло постепенно. И это действительно может сбивать с толку маленького ребенка, но тебе приходится просто смиряться с происходящим, ведь именно так поступают все остальные.

Мазу Уэйс, жена Папы Джея, выросла на Ферме Чапмена. Она была там еще во времена Общины Эйлмертона...

Страйк прервал чтение, уставившись на последние несколько слов.

Времена Общины Эйлмертона.

Община Эйлмертона.

Эйлмертонская Община.

Ветхие сарай, бунтующие дети, братья Кроутер, вышагивающие по двору, странная круглая башня, одиноко выглядывающая на горизонте, словно гигантская шахматная фигура: все это вновь всплыло перед его глазами. Мать под кайфом, пытающаяся сплести веночки из ромашек для маленьких девочек; ночи в обветшалых строениях без замков на дверях; постоянное ощущение, что все выходит из-под контроля, и детское инстинктивное чувство, подсказывающее – что-то не так, и где-то

рядом таится неопределенная опасность, просто пока она вне поля зрения.

До этого момента Страйк понятия не имел, что Ферма Чапмена и была тем самым местом: когда он жил там, оно называлось Фермой Форджмен, где в скоплении обветшалых зданий обитала разношерстная группа семей, которые обрабатывали землю под руководством братьев Кроутер.

Несмотря на то, что в Общине Эйлмертона не было и намека на религию, презрение Страйка к сектам проистекало непосредственно из шести месяцев, проведенных на Ферме Форджмен, которые стали самым несчастливым периодом его нестабильного, сложного детства. В общине доминировала властная личность старшего брата Кроутер, поджарого, сутулого мужчины с сальными волосами, длинными черными бакенбардами и торчащими усами. Страйк до сих пор мог представить восхищенное лицо матери, когда Малкольм Кроутер при свете очага читал группе лекцию, излагая свои радикальные убеждения и личную философию. Он помнил и свою собственную неистребимую неприязнь к этому человеку, которая переросла в отвращение на интуитивном уровне.

К тому времени, когда полиция нагрянула на Ферму, Леда уже перевезла свою семью подальше. Шесть месяцев были самым длительным сроком, который она могла вынести на одном месте. Прочитав о действиях полиции в газетах после возвращения в Лондон, Леда наотрез отказывалась верить, что общину преследуют не за пацифизм, легкие наркотики и философию возвращения к земледелию. Долгое время она настаивала, что Кроутеры никак не могли совершить то, за что их в конечном итоге обвинили, и не в последнюю очередь этому убеждению способствовали уверения собственных детей, что они остались невредимыми. Только прочитав отчеты о судебном процессе, Леда неохотно согласилась, что им скорее всего просто повезло, а мир ее пасторальных фантазий на самом деле оказался рассадником педофилии. Характерно, что она отмахнулась от этого эпизода словно от какой-то аномалии, и продолжила свое мятежное существование, означавшее для ее сына и дочери, когда их не оставляли на попечение тети и дяди в Корнуолле, постоянное лавирование между всевозможными небезопасными местами проживания и тревожными ситуациями, в которые они попадали по ее милости.

Страйк отпил треть от свежей пинты, и снова сосредоточил свое внимание на странице перед собой.

...Мазу Уэйс, жена Папы Джея, выросла на Ферме Чапмена. Она была там еще во времена Общины Эйлмертона, и это что-то вроде ее личного королевства. Не думаю, что она хоть когда-то посещала центры

Бирмингема или Глазго, да и в Лондонском храме появляется нечасто. Я всегда побаивался Мамы Мазу - как положено ее называть прихожанам. Она напоминает ведьму: такое бледное лицо, чернявые волосы, длинный заостренный нос и загадочные глаза. Вместо спортивных костюмов, которые приходилось носить всем нам, она всегда одевалась в мантии. Будучи маленьким, мне часто снились кошмары о Мазу, в которых она подглядывала за мной через замочные скважины или наблюдала сквозь окна на крыше.

Особой способностью Мазу было умение контролировать. Тому, кто с ней не встречался, сложно объяснить, что я имею в виду. Она могла заставить людей делать все, что угодно, даже причинить себе боль, и я ни разу не видел, чтобы хоть кто-то отказал ей. Одно из моих самых ранних воспоминаний о Ферме Чепмена - подросток по имени Джордан, хлещущий себя кожаным цепом по лицу. Я запомнил имя, потому что при виде него Джонатан Уэйс обычно одухотворенно пел «Бей, Джордан, бей». Джордан, будучи намного крупнее Мазу, стоял на коленях с изрубцованным лицом и продолжал хлестать себя, пока она не говорила, что пора остановиться.

Несмотря на то, что все твердили, какой хорошей и святой была Мазу, я всегда считал ее ужасным человеком. Оглядываясь назад, теперь я понимаю, что ненависть к Мазу положила начало моим сомнениям относительно всей церкви, хотя в то время мне просто казалось, что Мазу подлая, и я вовсе не думал о том, как прогнила вся церковная культура.

Мазу всегда недолюбливала Луизу и старалась, чтобы ей давали самую тяжелую работу по ферме, желательно на улице, несмотря на погоду. Став постарше, я понял, что причиной стало то, что Джонатан спал с моей матерью. Мазу никогда не нравились женщины, с которыми спал ее муж.

Объяснить, как я, наконец, прозрел не так-то просто.

Через несколько лет после того, как мы присоединились к ВГЦ, на Ферму Чепмена переехала новая семья – Доэрти: мать, отец и трое детей.

Пока они жили на ферме, Дейрдре Доэрти снова забеременела, и родила четвертого ребенка – дочь, которую Мазу нарекла именем Линь. (У Мазу есть право присваивать имена всем детям, родившимся на Ферме Чепмена. Она часто обращается к «И-Цзин», чтобы выбрать как назвать ребенка. «Линь»²² - название одной из гексаграмм.)

Мне было двенадцать, когда отец – Ральф – сбежал посреди ночи, забрав с собой троих старших детей. На следующее утро нас всех собрали в храме, и Джонатан Уэйс объявил, что Ральф Доэрти был материалистичным и эгоцентричным человеком, в то время как его жена, которая осталась с Линь, является ярким примером чистейшего духа. Помню, как мы все аплодировали ей.

²² Гексаграмма 19 «Линь» - «Посещение».

Уход Ральфа с детьми действительно сбил меня с толку и даже шокировал, ведь никогда раньше я не видел, чтобы кто-то поступал подобным образом. Нас всех учили, что уход из церкви разрушит вашу жизнь, что существование в материалистичном мире буквально уничтожит вас, вашу чистую душу, и в конечном итоге вы сойдете с ума и, возможно даже, совершите самоубийство.

Затем, через несколько месяцев после ухода Ральфа, исключили Дейрдре. Это потрясло меня даже больше, чем уход ее мужа. Я не мог даже представить, какой грех могла совершить Дейрдре, чтобы заставить ВГЦ ее выгнать. Обычно, если кто-то что-то не так делал, его наказывали. А если человек серьезно заболел, ему могли позволить уйти за медицинской помощью, но обычно ВГЦ не отпускал людей, только в особо сложных случаях, когда они уже не могли работать.

Уходя, Дейрдре оставила Линь. Мне следовало радоваться, что Линь все равно может вырасти чистой душой, не загубленной миром материальных благ. И именно так большинство прихожан воспринимали произошедшее, но не я. Пусть у меня не было нормальных семейных отношений «мама-сын» с Луизой, но я знал, что она моя мать, и это кое-что значило. Втайне я размышлял, что Дейрдре следовало взять Линь с собой, и это была первая серьезная трещина в моих религиозных убеждениях.

Причину исключения Дейрдре я узнал совершенно случайно. Меня наказали за то, что я ударил или толкнул другого ребенка. Не припоминаю подробностей. Меня привязали к дереву и оставили там на всю ночь. Мимо проходили двое взрослых. На Ферме запрещены электрические фонарики, так что я не знаю, кто это был, но они шептались о том, почему выгнали Дейрдре. Один рассказывал другому, что Дейрдре написала в своем дневнике, будто бы ее изнасиловал Джонатан Уэйс. (Всем членам церкви старше девяти лет полагается вести дневники как часть своей религиозной практики. Раз в неделю их читает Высшее руководство.)

О том, что такое изнасилование, мне уже было известно, так как нас учили, что это одна из тех ужасных вещей, которые происходят в материалистичном мире. Внутри церкви люди занимаются сексом со всеми, кто этого хочет, во имя укрепления духовных связей. Нас учили, что изнасилование – нечто иное, это насильственная форма материалистического обладания.

Не могу даже передать Вам, что я почувствовал, услышав, как Дейрдре обвинила Папу Джея в изнасиловании. Вот как меня вымуштровали: помню, мне казалось, что лучше было бы всю неделю оставаться привязанным к дереву, чем услышать такие вещи. Меня воспитывали в уверенности, что Джонатан Уэйс – самое приближенное к Богу существо на земле. Церковь учит нас, что позволяя себе дурные мысли о нашем лидере или о самой церкви, мы помогаем Сатане воскресить внутри нас ложное «эго», поэтому там, в темноте, я попробовал повторять мантру - одна из техник, которой нас учат для остановки негативных мыслей, но мне никак не удавалось выкинуть из головы только что услышанное о Папе Джее.

С тех пор я запутывался все больше и больше. Но поведать кому-то об услышанном было нереально: во-первых, если бы Мазу узнала, как я рассказываю подобную историю, одному богу известно, что бы она заставила меня с собой сделать. Я пытался подавить все свои дурные мысли и сомнения, но брешь в моей вере становилась все шире и шире. Я стал подмечать лицемерие, манипуляции, непоследовательность в преподавании. Они проповедовали любовь и доброту, но были безжалостны к людям за их недостатки, с которыми те не могут ничего сделать. Например, Линь, дочь Дейдре, еще в детстве начала заикаться. Из-за этого Мазу постоянно насмеялась над ней. Она говорила, что Линь могла бы избавиться от заикания, если бы захотела, для этого всего лишь надо усерднее молиться.

К тому времени, в отличие от всех нас, моя старшая сестра Бекка проходила совершенно иной курс обучения, путешествуя по стране вместе с Уэйсом и помогая проводить семинары и лекции по самореализации. Моя другая сестра Эмили очень завидовала Бекке. Иногда ей удавалось присоединиться к миссионерским вылазкам, но не так часто, как Бекке.

Обе свысока смотрели на нас с Луизой, которых считали безнадежными и годными лишь для того, чтобы сидеть на ферме.

В подростковом возрасте у меня полезли сильные прыщи. Когда члены ВГЦ выходят на публику, они должны выглядеть ухоженными и привлекательными, но Линь, Луизе и мне не разрешали выходить даже для сбора подаяний, поскольку я с моими прыщами и Линь с ее заиканием не соответствовали имиджу церкви. А Луиза рано поседела и выглядела намного старше своих лет, вероятно, из-за того, что все время проработала на улице.

Следующую часть мне очень тяжело писать. Теперь-то я знаю, что начал планировать уход из церкви, когда мне было почти 23, но поскольку там никогда не праздновали дни рождения, я даже не знал, в какой день я родился, пока не вышел оттуда и не нашел записи о своем рождении.

Чтобы набраться смелости и реально сбежать оттуда, мне потребовалось больше года. Следует подчеркнуть, насколько сильно церковь внушает вам, что вы не сможете выжить снаружи, что вы обязательно сойдете с ума и покончите с собой, так как материалистичный мир очень испорчен и жесток. Но главное, что сдерживало меня, - это желание забрать с собой Луизу. У нее были проблемы с суставами. До выхода из церкви я не слышал об артрите, но, думаю, это оно и есть. Они очень опухали, и я знаю, что она часто испытывала боли. Разумеется, ей это объяснили как признак духовной нечистоты.

Однажды, когда нам с ней поручили вместе пасти скот, я попробовал поделиться с ней своими сомнениями. Ее буквально затрясло от моих слов, а потом она заявила, что мне следует пойти в храм и помолиться о прощении. Затем она начала напевать мантру,

чтобы заглушить в себе услышанное от меня. До нее не дошел ни один из моих посылов. В конце концов, она попросту от меня убежала.

Я был в ужасе от того, что она расскажет Главам про мои сомнения, и понял, что мне нужно немедленно сваливать, поэтому на следующий день с утра пораньше пролез через забор, прихватив немного наличных из одного из ящиков для благотворительности. Я искренне боялся, что как только окажусь снаружи, тут же упаду замертво, один, на темной дороге, и что из-за деревьев появится Утонувшая Провидица, пришедшая забрать меня.

Поначалу я надеялся, что Луиза последует за мной, что мой уход заставит ее очнуться, но прошло почти четыре года, а она по-прежнему там.

Прошу прощения, что рассказ вышел таким длинным, но вот моя история...

Кевин.

На этом первое электронное письмо заканчивалось. Страйк взял следующее и, еще подкрепившись пивом, продолжил чтение.

Дорогой Колин,

Благодарю за Ваше письмо. Конечно, сам я не чувствую себя настолько храбрым, но Ваши слова для меня действительно ценны. Однако, возможно, вы перестанете так думать, как только прочтете следующее.

Вы спрашивали о Провидцах и их Явлениях. На самом деле мне трудно писать об этом, но я расскажу вам столько, сколько смогу.

Когда утонула Дайю Уэйс, мне было всего шесть, так что мои воспоминания о ней довольно туманны. Помню, что она мне не нравилась. Этакая принцесса Мазу, к которой всегда относились по-особенному и давали гораздо больше свободы, чем остальным детям.

Одним ранним утром девочка-подросток с Фермы взяла Дайю с собой за овощами (церковь продавала фермерские продукты в местные магазины), и на обратном пути они заехали на пляж Кромера. Обе пошли купаться, но с Дайю что-то произошло и она утонула.

Конечно, это огромная трагедия, и неудивительно, что Мазу была опустошена, но после случившегося она стала какой-то странной и очень мрачной, и, оглядываясь назад, думаю, именно отсюда проистекала большая часть ее жестокости по отношению к моей матери и детям в целом. Особенно ей не нравились девочки. У Джонатана была дочь от предыдущего брака, Эбигейл. После смерти Дайю Мазу перевела ее с Фермы Чепмена в один из других центров ВГЦ.

Точно не скажу, когда возникла идея о том, что Дайю является своего рода божеством, но со временем Джонатан и Мазу и впрямь превратили ее в таковое. Они называли ее Провидицей и утверждали, что она говорила всякие духовные вещи, которые впоследствии стали частью церковной доктрины. Даже смерть Дайю представили в

некотором роде святой, словно бы она была столь чистой душой, что просто растворилась в материальном мире. Моя сестра Бекка раньше утверждала, что Дайю обладала даром становиться невидимой. Не знаю, правда ли Бекка верила в это или просто хотела выслужиться перед Джонатаном и Мазу, но к мифу добавилась идея о том, что Дайю смогла дематериализоваться еще до того, как утонула.

Когда Дайю погибла, на Ферме Чапмена уже были похоронены два человека. Первого парня я никогда не знал. Это был американец по имени Расти Андерсен, который раньше жил на клочке земли на окраине Общины Эйлмертона. Он был ветераном армии, и в наши дни его можно назвать борцом за выживание. Мазу и Джонатан утверждали, что Андерсен присоединился к церкви перед своей смертью, но не знаю, правда ли это. Однажды ночью его насмерть сбил пьяный водитель, прямо на дороге возле Фермы, где его и решили похоронить.

Другого мужчину, лежащего в этой земле, звали Александр Грейвс, он умер в возрасте двадцати лет. Этот определенно выходец из церкви. Смутно припоминаю, что он был очень странным и все время что-то напевал. Семья Грейвса похитила его, когда тот собирал на улице подаяния для ВГЦ, но вскоре после того, как они отвезли его в семейный дом, он покончил с собой. В его завещании говорилось, что он хочет быть похороненным на ферме, и его последнюю просьбу исполнили.

Об историях Андерсена и Грейвса знали мы все, поскольку Джонатан и Мазу использовали их в качестве наглядных уроков, иллюстрирующих опасность ухода с фермы / из церкви.

Со временем Андерсен и Грейвс тоже стали провидцами - словно Дайю нуждалась в компании. Андерсен стал Раненым пророком, а Грейвс - Похищенным пророком, и их якобы святые изречения тоже стали частью церковной доктрины.

Четвертым провидцем стал Гарольд Коутс. Он был бывшим врачом, который тоже проживал на этой земле со времен Общины Эйлмертона. Несмотря на то, что церковь запрещает все лекарства (наряду с кофеином, сахаром и алкоголем), Коутсу разрешалось выращивать травы и лечить легкие травмы, поскольку он был одним из нас. Почти сразу же, как только его похоронили, Коутса нарекли Пророком-целителем.

Последней провидицей стала Маргарет Кэткорт-Брайс - до неприличия богатая вдова какого-то бизнесмена. Когда она пришла на Ферму, ей было уже за 70, но ее полностью покорила Джонатан Уэйс. Она столько раз делала подтяжку лица, что оно даже блестело от натяжения, под большим серебристым париком. Маргарет выделила Уэйсу достаточно денег, чтобы начать масштабную реконструкцию Фермы Чапмена, которая и впрямь находилась в упадке. Маргарет прожила на ферме, должно быть, лет 7 или 8, а когда умерла, то оставила все, что у нее было, Совету Глав. После этого ее провозгласили Золотой провидицей.

Завладев деньгами Маргарет, они построили в новом внутреннем дворе бассейн со статуей Дайю в центре. Затем выкопали четыре тела, похороненные там, и перезахоронили их в гробницах вокруг бассейна. На новых могилах указали нареченные им имена пророков, вместо настоящих.

У Дайю не было могилы, поскольку ее тело так и не нашли. Следствие установило, что она попала в сильный прилив недалеко от берега, и ее просто унесло прямо в море. Так что статуя в бассейне - это ее мемориал.

Все пять пророков стали частью верования, но Дайю/Утонувшая провидица всегда оставалась важнейшей из них. Она была той единственной, кто мог благословить тебя, или проклясть, если ты сбился с пути.

То, что я напишу далее, будет нелегко принять тем, кто не видел доказательств.

Духи реальны. Иной мир существует. Я это точно знаю. ВГЦ, разумеется, пронизано злом и коррупцией, но это не значит, что все из того, во что они верят, неправда. Я видел сверхъестественные вещи, которые не имеют «рационального» объяснения. Джонатан и Мазу - плохие люди, и я все еще не уверен в том, кого они вызывали - духов или демонов, но факт остается фактом - я видел это. Разбивающиеся бокалы, к которым никто не прикасался. Летающие предметы. Прямо на моих глазах Джонатан пел мантру, а затем без посторонней помощи поднял грузовик прямо с земли. Нас предупреждали, что за неправильное поведение Сатана пошлет демонов на Ферму, и мне кажется, однажды я видел их: человеческие фигуры со свиными головами.

День смерти каждого пророка отмечается их Явлением. Вам не разрешается присутствовать на Явлении до тринадцати лет, и об этом категорически запрещено рассказывать посторонним. Мне не по себе описывать подробности этих явлений. Могу только сказать, что видел абсолютное доказательство того, что мертвые могут возвращаться. Это вовсе не означает, будто бы я считаю самих пророков по-настоящему святыми. Я знаю только, что они возвращаются в годовщину своей смерти. Явление Украденного Пророка всегда довольно устрашающее, но Явление Утонувшей Провидицы, однозначно, худшее из всех. Даже ожидание того, что это произойдет, меняет атмосферу на всей Ферме Чапмена.

Не уверен, может ли Утонувшая Провидица материализоваться где-то еще, помимо фермы, но я знаю, что она и другие все еще обитают в потустороннем мире, и я опасаясь призвать ее за подрыв доверия к Явлениям.

Вы можете считать меня спятившим, но это правда. ВГЦ есть зло и опасность, но другой мир существует и они проложили путь туда.

Кевин.

8

*Девятка в пятой позиции означает...
То побуждает к подношениям и жертвам.²³*

«И Цзин» – «Книга перемен»

По прошествии двух дней с того момента, как они взялись за дело Эденсора, Страйк, после долгих размышлений о том, как эффективнее всего организовать расследование, позвонил Робин из офиса. Его напарница, у которой был выходной, только что пришла в парикмахерскую. Извинившись перед стилистом, уже взявшим в руки ножницы, Робин ответила на звонок.

– Привет. Что случилось?

– Ты уже ознакомилась с материалами Эденсора, которые я тебе отправлял?

– Да, – подтвердила Робин.

– В общем, я тут подумал, первым делом неплохо было бы раздобыть данные переписи населения, чтобы выяснить, кто проживал на Ферме Чепмена за последние двадцать лет. Если нам удастся разыскать бывших членов ВГЦ, то, вероятно, мы сможем проверить некоторые из утверждений Пирбрайта о том, что там происходит.

– В открытом доступе есть данные переписи лишь до 1921 года, – предупредила Робин.

– Знаю, – ответил Страйк, просматривающий сайт Национального архива, – и как раз поэтому сегодня вечером угощаю Уордла карри. Хочешь присоединиться? Я дал ему наводку на того жулика, который расплачивается фальшивыми десятками, а взамен он согласился попытаться раздобыть полный отчет полиции о стрельбе в Пирбрайта. Бесплатное карри должно помочь расположить его достать нам в придачу данные переписи населения.

– У меня не получится, прости, – с сожалением воскликнула Робин. – Райан взял билеты в театр.

– О, – Страйк потянулся за вейпом. – Ну ок, просто подумал, что стоит предложить.

²³ Из гексаграммы 47. «Кунь» - «Источение».

– Извини, – повторила Робин.

– Все нормально, у тебя сегодня выходной, – возразил Страйк.

– Кстати говоря, я как раз собираюсь подстричься, – добавила Робин, желая показать, что она тоже работает над делом, пусть даже вечером не сможет сходить со Страйком на встречу с представителем полиции.

– Правда? И какой цвет выбрала?

– Еще не знаю, – ответила Робин. – Я только села.

– Хорошо, да, еще хотел спросить, сможешь ли ты завтра вечером заехать к Пруденс. Она с радостью одолжит тебе кое-что из одежды.

Если, конечно, у Мерфи не будет билетов на чертову оперу.

– Да, здорово, – воодушевилась Робин. – Где она живет?

– Струберри Хилл. Я пришлю тебе адрес. Тогда там и встретимся, я до пяти буду на слежке за Бигфутом²⁴.

Согласовав план действий, Страйк отсоединился и, нахмурившись, глубоко затянулся вейпом. Мысль о том, как Мерфи покупает билеты в театр, вызвала в нем раздражение; это подразумевало опасный уровень прилагаемых усилий. Спустя восемь месяцев отношений полицейскому, несомненно, уже не было нужды притворяться, что он предпочтет посмотреть спектакль вместо приличного ужина с последующим сексом. Поднявшись из-за стола для партнеров, Страйк прошел в приемную, где сидела и что-то печатала офис-менеджер Пат.

Очевидно, через открытую дверь до нее донеслись отрывки его разговора с Робин, потому что, по обыкновению зажав в зубах электронную сигарету, она тут же спросила:

– Почему Вы называете его «Бигфут»?

– Потому что он похож на снежного человека, – наполняя чайник, пояснил Страйк.

Мужчина, о котором шла речь, был богатым владельцем компании по разработке программного обеспечения, чья жена подозревала его в том, что он пользовался услугами секс-работниц. Будучи вынужденным делить с ним переполненный лифт во время предыдущего наблюдения, Страйк мог засвидетельствовать тот факт, что объект был не только невероятно высок, волосат и неопрятен, но и к тому же источал такой аромат, словно его последнее принятие душа было очень отдаленным воспоминанием.

– Забавно, как бороды то появляются, то исчезают, – не переставая печатать, сделала замечание Пат.

²⁴ «Снежный человек».

– Это называется бритве, – прокомментировал Страйк, потянувшись за кружками.

– Ха-ха, – невозмутимо произнесла Пат. – Я имею в виду моду. Бакенбарды и все такое.

В памяти Страйка всплыло неприятное воспоминание о Малкольме Кроутере, сидящем у костра на Ферме Форджмен: тот уговаривал маленькую девочку погладить его по усам.

– Хотите чашечку чая? – предложил Страйк, прогоняя из мыслей нежелательный образ.

– Давайте уж, – согласилась Пэт низким, хрипловатым голосом, из-за которого звонившие часто принимали ее за Страйка. – Кстати, та дама из Харгривз до сих пор не оплатила счет.

– Позвоните ей, – предложил Страйк, – и скажите, что мы просим ее рассчитаться до конца месяца.

– Это уже в понедельник.

– Да у нее миллионы.

– Чем они богаче, тем медленнее платят.

– В этом есть доля правды, – признал Страйк, ставя кружку на стол перед Пат, после чего вернулся в свой кабинет и закрыть дверь.

Следующие три часа он посвятил поискам пропавшего отца падчерицы Штыря от гражданского брака. За последние пять лет мужчина сменил несколько адресов, но, в конце концов, расследование привело Страйка к выводу, что теперь тот проживает в Хакни под своим вторым именем, очевидно, чтобы его не выследили и не принудили платить алименты. Если это действительно был тот самый человек, то сейчас он работал дальнбойщиком, что прекрасно подходило мужчине, стремящемуся уклониться от родительских обязанностей.

Выслав своему сотруднику Деву Шаху электронное письмо с просьбой установить наблюдение за адресом в Хакни и фотографировать всех, кто входил или выходил оттуда, детектив отправился на ужин с Эриком Уордлом.

Страйк полагал, что обычной дешевой забегаловки с карри будет недостаточно, чтобы задобрить друга-полицейского, которого он намеревался попросить об одолжении, связанном с переписью населения. Поэтому заказал столик в ресторане «Синамен Клуб», который находился в нескольких минутах езды на такси.

Когда-то это заведение было Вестминстерской библиотекой, поэтому его многочисленные столики с белоснежными скатертями располагались в большом просторном зале, стены которого были заставлены книгами. Страйк пришел первым и, сняв пиджак и ослабив галстук, заказал пинту пива, после чего принялся читать с

телефона новости за день. О появлении Уордла его оповестила тень полицейского, накрывшая стол.

– Немного покруче «Бомбей Балти²⁵», – прокомментировал Уордл, усаживаясь напротив Страйка.

– Ну, в последнее время дела идут неплохо, – произнес последний, засовывая телефон обратно в карман. – Как поживаешь?

– Грех жаловаться, – ответил полицейский.

Когда они только познакомились, друг Страйка Эрик Уордл отличался своей юношеской привлекательностью. И хотя он был по-прежнему хорош собой, теперь его некогда густая шевелюра поредела, а внешний вид производил впечатление человека, который постарел гораздо больше, чем можно было ожидать за шесть лет с момента их знакомства. Страйк знал, что не только напряженная работа заложила эти морщинки вокруг рта и глаз Уордла: он потерял брата, а полгода назад от него ушла жена Эйприл, забрав с собой их трехмесячного ребенка.

Пока оба изучали меню, разговор шел в обычном русле, и лишь после того, как официант принес Уордлу пинту пива и принял их заказ, полицейский протянул через стол папку.

– Здесь все, что я смог добыть о стрельбе в Кевина Пирбрайта.

– Благодарствую, – сказал Страйк. – Как поживает наш друг-фальшивомонетчик?

– Арестован, – Уордл поднял пиво в качестве тоста, – и я думаю, его удастся убедить сдать нам всю верхушку. Вполне возможно ты обеспечил мне давно назревшее повышение, так что ужин за мой счет.

– Я бы предпочел оплату в той же валюте, – ответил Страйк.

– Так и знал, что ты не просто так выбрал это место, – вздохнул Уордл.

– Дождемся заказа, и я объясню.

Как только они приступили к еде, Страйк попросил об одолжении, за которым пришел: помощь Уордла в получении доступа к записям переписи, недоступного широкой публике.

– Откуда такой интерес к этой Ферме Чепмена?

– Это штаб-квартира Всеобщей гуманитарной церкви.

– О, – протянул Уордл. – То самое место. Пару лет назад Эйприл ходила на одно из их собраний. Ее позвала с собой подруга по йоге, которую они заинтересовали. По итогу та вступила в их ряды. А вот Эйприл хватило одного раза.

Прежде чем продолжить, Уордл прожевал и проглотил еду:

²⁵ Кафе индийской кухни, где также подают еду на вынос.

– Посещение странным образом взволновало ее. Я высмеял ее опасения, что, конечно же, не понравилось Эйприл. Но мне попросту не хотелось тратить время на разговоры о женщине, которая ее туда водила. Та увлекалась кристаллами, медитацией и прочим дерьмом. Ну, ты знаешь такую категорию людей.

Страйк, прекрасно помня, как время от времени, Леда напевала мантры, скрестив ноги перед нефритовым Буддой, коротко кивнул и спросил:

– Выходит, Эйприл показалось, что там что-то не так, да?

– Думаю, она просто заняла оборонительную позицию, потому что знала, как сильно меня бесят эти ее подружки по йоге... Наверное, мне, мудаку, не стоило отмахиваться от нее, – признал Уордл, продолжая угрюмо жевать. – Ну, так какие данные переписи тебе нужны?

– Все, начиная с 91-го и далее.

– Черт подери, Страйк.

– Я пытаюсь отыскать бывших прихожан.

Уордл приподнял брови.

– Тебе следует быть поаккуратнее.

– В смысле?

– Судя по репутации церкви, они жестко обходятся со всеми, кто пытается их дискредитировать.

– Я наслышан.

– Какую выдуманную причину я назову Бюро переписи населения? Они нелегко делятся информацией.

– Пока что у меня на руках имеются примеры принудительного контроля, физического насилия, одно обвинение в изнасиловании и изрядная доля случаев жестокого обращения с детьми.

– Господь всемогущий. Почему бы не вкинуть сюда убийство - для полного комплекта?

– Дай мне время, я всего два дня занимаюсь делом. Кстати говоря: насчет стрельбы в Пирбрайта...

– Это тот же пистолет, который фигурировал в двух предыдущих перестрелках, связанных с наркотиками. Я не вел это дело, и даже ни разу не слышал о том парне, пока ты не позвонил, но я просмотрел материалы, – Уордл кивнул в сторону папки. – На первый взгляд все предельно ясно. Судя по состоянию его комнаты, он, должно быть, был не в себе. Взгляни на верхнюю фотографию.

Страйк отодвинул пустую тарелку, открыл папку и достал снимок.

– Черт.

– Да уж, там, наверняка хватает всякого дерьма.

На фотографии была изображена маленькая убогая комнатка, где повсюду валялись одежда и мусор. Тело Пирбрайта, накрытое полиэтиленовой пленкой, лежало посреди пола. Кто-то – Страйк предположил, что Пирбрайт – нацарапал на стенах какие-то слова.

– Прекрасный образец наркоманского декора, – произнес Уордл, когда официант вернулся, чтобы убрать их тарелки.

– Что-нибудь украдено? Он вроде как писал книгу о ВГЦ.

– Похоже, он писал ее на стенах, – съязвил Уордл. – Именно так выглядела комната, когда туда пришел арендодатель. На дне шкафа нашли пакетик с гашишем и пачку двадцаток.

– Они думают, его убили из-за пакетика гашиша?

– Может, это все, что осталось после нападения. Скорее всего, он стащил наркоту не у того человечка или разозлил не того клиента.

– Где находится квартира?

– Каннинг Таун.

– Отпечатки?

– Только Пирбрайта.

– Есть идеи, как убийца зашел и вышел обратно?

– Полагаем, чтобы открыть входную дверь, воспользовались отмычкой.

– Весьма продумано с их стороны, – подметил Страйк, доставая блокнот и начиная записывать.

– Да, довольно ловко все провернули. Парень с того же этажа утверждал, что слышал, как Пирбрайт с кем-то разговаривал, перед тем, как впустить к себе. Вероятно, он надеялся заключить сделку. Сосед услышал приглушенный хлопок, и у Пирбрайта перестала играть музыка. Должно быть, убийца использовал глушитель, потому что иначе половина улицы услышала бы выстрел, а вот сосед запросто мог, поскольку стены в здании сделаны из фанеры. Насчет остановившейся музыки тоже сходится, так как пуля прошла прямо сквозь Пирбрайта и вдребезги разнесла то старенькое радио, которое на снимке.

Страйк еще раз внимательно изучил фотографию комнаты Пирбрайта. Разбитый радиоприемник лежал на маленьком письменном столе в углу. В розетку рядом с ним было воткнуто два провода.

– Там было что-то еще.

– Да, похоже на провод от ноутбука. Пожалуй, комп был единственной вещью в комнате, представляющей ценность. Не знаю, нахрена он возился с радио, когда у него был ноут.

– Он был на мели, и, возможно, не умел скачивать музыку, – предположил Страйк. – Судя по тому, что я узнал о Ферме Чепмена, это все равно, что вырасти в конце восемнадцатого века, пусть даже у него был опыт взаимодействия с технологиями.

Наконец, им принесли карри. Страйк отодвинул полицейское досье, но оставил рядом раскрытый блокнот.

– Итак, сосед слышит выстрел, и музыка останавливается. Что дальше?

– Сосед идет и стучит в дверь, – невнятно произнес Уордл, набивая рот пасандой²⁶ из баранины, – но никто не отвечает. Мы считаем, стук спугнул убийцу и вынудил его уйти через окно, которое нашли открытым, со следами на внешнем подоконнике, похожими на руки в перчатках.

– На какой высоте окно?

– Первый этаж, но прямо под ним общедомовой мусорный контейнер, куда можно было с легкостью приземлиться.

– Никто не видел, как он вылезал из окна? – спрашивал Страйк, по-прежнему делая пометки.

– Те жильцы, чьи окна выходили на задний двор, были либо не дома, либо чем-то заняты.

– Камеры наблюдения что-то дали?

– Есть короткая видеозапись, на которой видно, как со стороны места происшествия уходит коренастый парень в черном, возможно, неся в сумке ноутбук, но лица четко не видно. Вот и все, что мне известно, – подытожил Уордл.

Страйк только положил фотографию обратно в полицейское досье, как Уордл спросил его:

– Робин все еще встречается с Райаном Мерфи?

– Да, – кивнул Страйк.

– Ты в курсе, что он алкоголик?

– Что? – переспросил Страйк, маскируя выражение лица очередным глотком пива. Робин так мало рассказывала ему о своих отношениях, что раньше он этого не знал. Возможно, подумал он (с проблеском чего-то сильно напоминающего надежду), Робин тоже не знала.

– Ага. Хотя сейчас он в завязке. Но раньше был жутким пьяницей. Реальным ублюдком.

– В каком смысле?

²⁶ Слово «пасанда» означает «маленькие кусочки мяса без костей». Популярное мясное блюдо родом из индийского субконтинента.

– Агрессивным. Не пропускал ни одной юбки. В какой-то вечер попытался подкатить к Эйприл. Твою мать, я еле удержался, чтоб не врезать ему.

– Серьезно?

– Еще бы, – повторил Уордл. – Неудивительно, что от него ушла жена.

Но после этих слов, выражение его лица стало печальным, возможно, от воспоминаний, что Мерфи был не единственным человеком, кого оставила жена.

– Но сейчас он завязал, верно? – уточнил Страйк.

– Угу, – подтвердил Уордл. – Где здесь сортир?

Как только Уордл вышел из-за стола, Страйк отложил нож и снова открыл полицейское досье, параллельно отправляя в рот говядину по-Мадрасски²⁷. Он извлек результаты вскрытия трупа Кевина Пирбрайта, пропустив описание смертельной травмы головы и сосредоточившись на строках, касающихся токсикологии. Патологоанатом отметил небольшое содержание алкоголя в организме, но не обнаружил никаких следов запрещенных веществ.

²⁷ Говядина по-Мадрасски - блюдо с карри, приготовленное из нежной говядины и ароматных специй.

9

*В искоренении злодеяний не усердствуй.
Последствия бывают тяжелы, ведь злодеяния так
долго прорастали.²⁸*

«И Цзин» или «Книга перемен»

Следующим вечером Робин ехала в поезде к Пруденс в Стрauberри-Хилл, ощущая непривычный холодок в области обнаженной шеи.

Она искренне надеялась, что бухгалтер позволит ей списать в качестве деловых расходов хотя бы половину стоимости новой прически, поскольку эта стрижка оказалась самой дорогой из всех, что она когда-либо делала. Каре до подбородка с удлинённой «рваной» челкой и бледно-голубыми кончиками волос, которые сначала пришлось обесцветить. Когда накануне вечером Мерфи впервые увидел ее новый образ, то поначалу впал в оцепенение, но, отойдя от шока, просиял и отметил, как ей идет. Она не знала, насколько искренним был комплимент, но ей стало чуть менее неловко заходить в Театр Герцога Йоркского, где они собирались посмотреть пьесу «Отец»²⁹:

– Значит, голубой³⁰? – первым делом произнес Страйк, когда Робин села в «БМВ» у станции Стрauberри-Хилл. – Неплохо смотрится.

– Спасибо. Надеюсь, по этой причёске видно: «Привет, я обожаю швырять деньги на ветер».

– Очень может быть, особенно если добавить к ней шикарных шмоток в придачу, – согласился Страйк, выезжая с парковки.

– Как поживает Бигфут? – поинтересовалась Робин, когда они проезжали мимо вереницы солидных вилл в эдвардианском стиле.

– Разочаровывающе целомудрен, – ответил Страйк. – Но как человек, чье состояние оценивается в несколько миллионов, он вполне мог бы обзавестись расческой.

²⁸ Гексаграмма 36. «Мин-и» - «Поражение света». Предстоящие полгода не принесут вам удачи, будет тяжело, но не огорчайтесь, постепенно жизнь наладится, только для этого придётся проявить терпение и выдержку и тогда все проблемы решатся.

²⁹ «Отец» (The Father) - пьеса французского драматурга Флориана Зеллера, получившая в 2014 году премию Мольера за лучшую пьесу. В 2020 году Зеллер снял фильм «Отец» с Энтони Хопкинсом и Оливией Колман в главных ролях, который получил 2 премии «Оскар».

³⁰ Голубой цвет по-английски пишется «Blue» – точно так же, как второе имя Корморана Блю Страйка.

– Кажется, неряшливость тебе явно не по душе, да? – Робин позабавил его комментарий.

– Не среди тех, у кого есть возможность этого избежать. Неужели так сложно помыться, черт возьми?

Страйк повернул направо и продолжил:

– Кстати, Дэв разыскал парня, который нужен Штырю.

– О, как здорово, – порадовалась Робин. Не питая иллюзий относительно истинно криминальной личности Штыря, она по-прежнему была ему благодарна за то, как однажды он спас ее от здоровяка, подозреваемого в убийстве. – Как там малышка?

– Он не говорил, но, надеюсь, встреча с отцом поднимет ей настроение... Приехали...

Неожиданно для Робин, они свернули на подъездную дорожку к особенно выдающемуся дому в эдвардианском стиле, который не только вызвал у нее легкий трепет своим масштабом, но и заставил с сожалением подумать о своей хлипкой квартирке, где ей приходилось терпеть почти нескончаемый поток музыки, доносившийся из квартиры соседа сверху.

Входная дверь открылась еще до того, как они успели подойти, и им навстречу вышла сводная сестра детектива – дочь известной актрисы и рок-звезды, который также был отцом Страйка. На Пруденс было лаконичное черное платье, показавшееся Корморану самым обычным, однако Робин предположила, что его цена, должно быть, равносильна ее ежемесячному платежу по ипотеке.

Как и сэр Колин Эденсор, Пруденс обладала тем типом лица, который не мог не располагать к себе, по крайней мере, по мнению Робин. Пусть и не обладая ослепительной красотой своей матери-актрисы, Пруденс была очень привлекательна, с ее веснушчатой кожей и волнистыми темными волосами. А раскосые глаза и изящный улыбающийся рот придавали женщине немного озорной вид. Хотя ее невозможно было назвать полноватой, она была дамой с формами, отчего Робин, опасавшаяся, что та окажется худой и плоской, испытала явное облегчение.

– Входите, входите! Так приятно с вами познакомиться, – произнесла Пруденс, сияя и пожимая руку Робин.

– Мне тоже. Обычно мои волосы выглядят иначе, – добавила Робин, уже жалея о содеянном. Она только что заметила свое отражение в зеркале прихожей Пруденс. – Это для моей работы под прикрытием.

– Ну, выглядит чудесно, – похвалила Пруденс и повернулась, чтобы обнять Страйка.

– Черт возьми, братец, молодчина. С каждой нашей встречей ты становишься все меньше.

– Если бы я знал, что это будет приносить всем столько радости, то уже ампутировал бы вторую ногу.

– Очень смешно. Проходите в гостиную. Я только что открыла вино.

Она провела двух детективов в просторную комнату с изысканной обстановкой. Красивое оформление с большими черно-белыми фотографиями на стенах, книжными шкафами и низким темным кожаным диваном на каркасе из металлических труб удивительным образом делало ее одновременно и стильной, и уютной.

– Итак, – начала Пруденс, жестом приглашая Страйка и Робин присесть на диван, пока сама усаживалась в большое кремовое кресло и наливала еще два бокала вина, – насчет одежды. Могу поинтересоваться, для каких целей она понадобится?

– Робин должна сойти за обеспеченную девушку, у которой меж тем хватает причин присоединиться к секте.

– *Секте?*

– Ну, так про нее говорят люди, – протянула Робин. – У них есть что-то типа общины в сельской местности, и, надеюсь, они меня завербуют, чтобы я могла туда проникнуть.

К удивлению обоих детективов, с лица Пруденс исчезла улыбка, сменившись явным выражением озабоченности.

– Это случайно не ВГЦ, нет?

Вздвогнув, Робин взглянула на Страйка.

– Весьма оперативная догадка, – заметил он. – Почему ты подумала, что речь о них?

– Потому что она зародилась в Норфолке.

– У тебя есть клиент, который бывал там, – внезапно сообразил Страйк.

– Я не обсуждаю сведения о своих клиентах, Корморан, – притворно строгим голосом произнесла Пруденс, подавая ему бокал через кофейный столик.

– Жаль, – беспечно сказал Страйк. – Нам как раз нужно разыскать бывших прихожан.

Пару секунд Пруденс пристально смотрела на него, после чего ответила:

– Ну, поскольку я обязана соблюдать конфиденциальность клиентов, то ничем не могу помочь.

– Мы же просто болтаем, правда? – успокоил ее Страйк. – Мне не нужно его имя и адрес.

Сохраняя серьезное выражение лица, Пруденс сделала глоток вина. Наконец, она промолвила:

– Не думаю, что разговорить бывших членов церкви окажется легкой задачей. Принуждение к этому вызывает у них сильное чувство стыда, и зачастую, может травмировать.

Увидев их лицом к лицу, Робин впервые заметила сходство своего партнера с Джонни Рокби. У них со сводной сестрой была такая же четко очерченная челюсть и одинаково посаженные глаза. Ей, у которой было трое братьев от одних родителей, стало интересно: каково это – впервые познакомиться с кровным родственником в возрасте сорока лет. Но помимо легкого физического сходства, между братом и сестрой, очевидно, было нечто большее: казалось, они уже наладили негласное взаимопонимание.

– Ну ладно, – воскликнула Пруденс, отвечая на полушутливый вопрос Страйка, – я действительно лечу бывшего члена ВГЦ. По правде говоря, когда он впервые рассказал о том, что с ним произошло, я не думала, что смогу чем-то помочь. Тут нужен специальный метод – депрограммирование. Некоторые из них начинают злоупотреблять тем, чего были там лишены, – например, едой и алкоголем. Другие, в качестве реакции на чрезмерный контроль и надзирательство, отчаянно предаются риску. К свободной жизни нелегко приспособиться, и когда их просят рассказать о том, как они страдали или к чему их принуждали, это может обернуться серьезным стрессом.

К счастью, у меня был знакомый психотерапевт из Америки, который работал со многими жертвами сект, поэтому я связалась с ним. Он провел несколько виртуальных сеансов с клиентом, что оказало очень благотворное влияние, и теперь я сама могу вести его, иногда обращаясь за помощью к американцу. Вот откуда я знаю о ВГЦ.

– Как клиент выбрался? – поинтересовался Страйк.

– А что? Вас для этого наняли – нужно кого-то вызволить?

Страйк кивнул.

– Тогда вам следует быть очень осторожными, – серьезно сказала Пруденс. – Если этот кто-то похож на моего клиента, он будет чрезвычайно хрупок, и, действуя жестко, вы принесете больше вреда, чем пользы. Следует понимать: людей в сектах перепрограммируют. Ожидать, что они с легкостью вернуться к нормальному состоянию, нереально.

– Так как это удалось твоему клиенту?

– Ну, он... ушел не по своей воле, – нерешительно произнесла Пруденс.

– Хочешь сказать, его выгнали?

– Речь тут не о... у него были проблемы со здоровьем, – заключила Пруденс, – но больше я ничего не могу сказать. Добавлю лишь, что ВГЦ не позволяет своим прихожанам переступить порог церкви до тех пор, пока те могут приносить пользу. Ты должна быть очень осторожна, Робин. Читала Роберта Джея Лифтона? *«Реформа мышления и психология тотализма»*? Или *«Борьбу с культовым контролем сознания»* Стивена Хассэна?

Робин отрицательно покачала головой.

– Я одолжу тебе свои экземпляры. Отдам перед уходом. Способность распознавать их методы, поможет противостоять им.

– Робин умна, – возразил Страйк. – Она не клюнет, чтобы они там не втюхивали.

– Наличие ума само по себе не является защитой, – настаивала Пруденс. – Ограничение в еде, принудительные мантры, жесткий контроль над физическим окружением, копание в психике в поисках слабых мест, куда эффективнее всего надавить, безграничная любовь, а следом – отторжение... от этого никто не застрахован, умен он или нет..

– Как бы то ни было, – Пруденс встала с кресла, – идем подберем тебе что-нибудь из одежды.

– Это *так* любезно с вашей стороны, Пруденс, – сказала Робин, когда терапевт повела ее наверх.

– Да будет тебе, – снова заулыбалась Пруденс. – Я умирала от желания с тобой познакомиться, учитывая, что ты явно самый важный человек в жизни Корма.

От этих слов Робин словно пронзило ударом тока в нижней части живота.

– Он... он тоже очень важен для меня.

Они миновали открытую дверь очень захламленной спальни, которая, как догадалась Робин, принадлежала подростку, что подтвердила выскочившая оттуда черноволосая девчушка в мини-юбке, в одной руке сжимающая косуху, а в другой – сумочку.

– Оу, – воскликнула она, вперившись взглядом в Робин. – Классные волосы!

Не дожидаясь ответа, она шустро прошмыгнула мимо них и сбежала вниз по лестнице. Пруденс крикнула ей вслед:

– Напиши, когда тебя нужно будет забрать!

– Хорошо, – ответила девочка, и бросив: – До скорого, новый дядя, – захлопнула за собой дверь.

– Это Сильви, – пояснила Пруденс, ведя Робин в просторную спальню, с роскошной, и в то же время, неперегруженной

обстановкой, а затем – в зеркальную гардеробную, вдоль стен которой тянулись вешалки для одежды. – Корм говорил, тебе понадобится два-три наряда?

– В идеале, – кивнула Робин. – Обещаю очень бережно с ними обращаться.

– О, об этом не волнуйся, у меня *слишком* много одежды... это моя слабость, – призналась Пруденс с виноватой улыбкой. – Сильви сейчас как раз в том возрасте, чтобы начать таскать мои вещи, которые я больше не ношу, так что это своего рода благотворительность. Какой у тебя размер обуви?

– Шестой, – ответила Робин, – но...

– Отлично. Как и у меня.

– Тебе, правда, не обязательно...

– Если ты хочешь выглядеть состоятельной, аксессуары очень важны, – прервала ее Пруденс. – На самом деле довольно захватывающе помогать в работе под прикрытием. Корм очень уклончиво отвечает о том, чем вы двое занимаетесь... я имею в виду, по работе, – добавила она.

Она стала доставать повседневные платья и всевозможные топы, вручая их Робин, которая никогда бы не смогла себе позволить такие бренды: «Валентино», «Шанель», «Ив-Сен Лоран».

– ...и еще тебе *точно* должно подойти вот это, – произнесла Пруденс пять минут спустя, добавляя платье от «Клоэ» к тяжелому грузу в руках Робин. – Так, примеряй все и посмотри, что подойдет. Здесь тебя никто не потревожит, Деклана не будет дома еще час.

Когда за Пруденс закрылась дверь спальни, Робин положила стопку одежды на двуспальную кровать, затем сняла свитер и джинсы, одновременно оглядывая комнату. От дубовых половиц и широкой кровати из красного дерева до изящной современной люстры, длинных воздушных занавесок и телевизора с плоским экраном на стене – все говорило о наличии хорошего вкуса и достатка. У Робин пронеслась мысль, что Страйк мог бы жить так же, если бы проглотил свою гордость с гневом и принял щедрый дар отца – хотя, разумеется, она не могла быть уверена, что этот дом купил Джонни Рокби.

Спустившись вниз, Пруденс, с двумя книгами в руках, присоединилась к Страйку.

– Для Робин, – пояснила она, кладя их на кофейный столик между ними.

– Спасибо, – поблагодарил Страйк, когда она вновь наполнила его бокал вином. – Слушай, можно тебя кое о чем спросить?

– Давай, – Пруденс села напротив него.

– Тот твой клиент когда-нибудь становился свидетелем сверхъестественных событий на Ферме Чепмена?

– Корм, я не могу об этом говорить.

– Я не собираюсь его разыскивать, – заверил он ее. – Просто интересно.

– Думаю, я и так слишком много рассказала, – отказалась Пруденс.

– Понял, – отступил Страйк. – Больше никаких вопросов.

Наклонившись вперед, он взял и перевернул книгу *«Борьба с культом контроля сознания»*, чтобы прочитать аннотацию на обороте.

– Ты заставляешь меня больше волноваться о том, что Робин туда идет, чем это было полчаса назад, – признался он.

– Хорошо, – отметила Пруденс. – Извини, я не имела в виду «хорошо, вот и волнуйся», просто думаю, ей же лучше, если она будет понимать, во что ввязывается.

– Какого черта люди вступают в секты? – размышлял Страйк. – Зачем кому-то передавать столько контроля над своей жизнью?

– Потому что они не осознают, что все закончится абсолютным контролем, – пояснила Пруденс. – Это происходит постепенно, шаг за шагом, после того, как им предложили одобрение и поддержку, ощущение, что в их жизни появилась цель... Наверняка ты и сам, понимаешь всю прелесть открытия глубокой истины? Ключа от вселенной?

Страйк слегка пожал плечами.

– Ладно, а как насчет веры в то, что ты можешь реально изменить мир к лучшему: облегчить страдания, излечить социальные недуги, защитить слабых?

– И для всего этого обязательно вступать в секту?

– Не обязательно, – улыбнулась Пруденс, – но они мастерски умеют убеждать людей, что членство – наилучший из возможных способов достичь рая на земле, не говоря уже о рае на небесах.

Единственный тип людей, на которых, видимо, не распространяется влияние ВГЦ – это апатичные домоседы, хотя думаю, их не сильно-то и хотят завербовать. ВГЦ охотится за идеалистами, которых они могут превратить в проповедников, хотя, полагаю, на Ферме Чепмена более низкие требования к новобранцам, лишь бы те могли заниматься сельским хозяйством... моему несчастному клиенту прекрасно известно, что таких, как он считают глупыми и безвольными, раз они повелись на все это, что является одной из причин, вызывающей сильнейшее чувство стыда. Но правда в том, что идеализм и интеллектуальная

любопытность делают вас гораздо более уязвимыми для идеологий, подобных ВГЦ... Вы двое останетесь на ужин? Просто паста, ничего особенного.

– Не обязательно нас еще и кормить, – усмехнулся Страйк.

– Но я хотела бы. Пожалуйста, оставайтесь, Деклан скоро будет дома. Кстати, Робин кажется очень милой.

– Да, так и есть, – согласился Страйк, поднимая глаза к потолку.

Наверху Робин определилась с тремя нарядами, хотя все еще стеснялась брать себе настолько дорогую одежду. Она как раз успела снова натянуть джинсы и топ, когда Пруденс постучала в дверь.

– Входите, – отозвалась Робин.

– Выбрала?

– Да. Если не возражаешь, я бы хотела одолжить это.

– Прекрасно, – ответила Пруденс, собирая остальную одежду и направляясь к вешалкам, чтобы повесить ее обратно на плечики. – Знаешь что? – бросила она через плечо. – Просто оставь это себе. Так будет проще.

– Пруденс... я не могу, – слабым голосом произнесла Робин. Она прекрасно отдавала себе отчет, что выбранная ею одежда стоила, по меньшей мере, две тысячи фунтов, пусть даже и была подержанной.

– Почему нет? Вот если бы ты захотела *это*, – Пруденс взяла в руки платье от «Клое», – я бы попросила его вернуть, потому что Деклану очень нравится, как оно на мне сидит, но, честно говоря, я с легкостью обойдусь без тех вещей, что ты выбрала. У меня и так чересчур много одежды, ты же видишь. *Пожалуйста*, – настояла она, когда Робин открыла рот для протеста, – это будет первый раз, когда кому-то из нас удастся хоть что-то подарить Корму, пусть даже через доверенное лицо. А теперь давай подберем обувь.

– Я, право, не знаю, что и сказать, – растерянно произнесла Робин. Ее беспокоило, что Страйк будет не в восторге от того, что она приняла подарок. Словно прочитав мысли Робин, Пруденс сказала:

– Я знаю, Корм чертовски категорично настроен против того, чтобы брать что-то у папы, но Джонни Рокби ничего из этого не покупал, клянусь. Я прилично зарабатываю, да и Деклан приносит кучу денег. Подойди-ка, глянь туфли, – добавила она, зовя Робин обратно в примерочную. – Они отлично смотрятся с этим платьем. Примерь.

Сунув ноги в лодочки «Джимми Чу», она поинтересовалась:

– Вы близки с отцом?

– Хм... – неопределенно ответила Пруденс, опустившись на колени и роясь в своей обуви, – ...полагаю, настолько, насколько возможно быть близким с людьми вроде него. Он как юнец. Говорят же: вы навсегда застреваете в том возрасте, в котором прославились, да? Получается, по-настоящему мой отец так и не вышел из своего подросткового возраста. Весь его образ мышления направлен на мгновенное удовлетворение своих желаний, оставляя другим разгребать последствия этого. Я люблю его, но он не родитель в привычном смысле этого слова, потому что ему никогда по-настоящему не было нужды заботиться о себе, не говоря уже о ком-либо еще. Хотя я прекрасно понимаю, почему Корм на него злится. Вряд ли можно себе представить двух более разных людей. Попробуй вот эти, – добавила она, протягивая Робин пару сапог. Пока Робин их натягивала, Пруденс добавила:

– Папу по-настоящему грызет совесть из-за Корма. Он знает, что реально ужасно поступил с ним. Пару лет назад он пытался с ним связаться. Точно не знаю, что было сказано...

– Рокби предложил ему деньги за встречу, – прямо сказала Робин.

Пруденс поморщилась.

– О Боже, надо же... Отец наверняка решил, что это проявление великодушия или что-то типа того... чертов глупец... он так привык решать проблемы деньгами... Кажется, они слегка жмут.

– Да, немного, – признала Робин, снова расстегивая молнию на сапожках. – Знаешь, – импульсивно добавила она, – я действительно рада, что вы с Кормораном поддерживаете связь. Думаю, ты можешь дать... даже не знаю... то, чего ему не хватает.

– Правда? – с довольным видом спросила Пруденс. – Просто я столько лет хотела с ним познакомиться. *Годами*. Нелегко быть незаконнорожденным представителем двух рас среди остальных. Мы все хорошо ладим, не пойми меня неправильно, однако я всегда была как бы наполовину в клане Рокби, а наполовину – вне, и, знала, что Корм тоже где-то «вне», но идет своим путем, наплевав на все это...

– Конечно, он постоянно остерегается, что я начну подвергать его психоанализу, – добавила Пруденс, протягивая Робин пару «Маноло Бланик». – Я неоднократно ему объясняла, что при всем желании не смогла бы этого сделать. Наши отношения слишком... они слишком сложны... долгое время он был для меня своего рода талисманом. Сама мысль о нем. С таким человеком никогда не получится быть беспристрастным... Ты же останешься на ужин, правда? Я уже уговорила Корма.

– Я... ты уверена? – слегка растерявшись, уточнила Робин.

– Господи, ну конечно, будет здорово. Деклану правда нравится Корм, и он будет рад познакомиться с тобой. Так, значит, остановимся на этих трех, правильно? – Пруденс отложила пары обуви еще на несколько сотен фунтов. – А теперь давай подберем сумочку...

Внизу, в тишине гостиной, Страйк вновь изучал фотографию комнаты Кевина Пирбрайта, полученную от Уордла, которую он прихватил с собой, чтобы показать Робин. В течение нескольких минут он, прищурившись, вглядывался в нее, пытаясь разглядеть некоторые нюансы, приводившие его в замешательство. Оглядевшись, он, наконец, заметил то, что могло ему помочь: старинное увеличительное стекло, декоративно лежащее поверх стопки книг по искусству.

Десять минут спустя Робин снова появилась в гостиной и удивленно рассмеялась.

– Что? – спросил Страйк, поднимая голову.

– Шерлок Холмс, как я понимаю?

– Не издевайся, пока не попробуешь, – ответил Страйк, протягивая фото и лупу. – Это комната Кевина Пирбрайта, в том виде, в каком ее обнаружила полиция. Уордл достал для меня снимок.

– О, – воскликнула Робин. Она снова села на диван возле Страйка и взяла у него фотографию с увеличительным стеклом.

– Вглядишься в эти надписи на стенах, – показал Страйк. – Посмотрим, сможешь ли ты что-то из них разобрать. К сожалению, этот снимок – все, что у нас есть, потому что днем я созванивался с его арендодателем: как только полиция убралась, он тут же перекрасил комнату.

Робин поводила лупой взад-вперед, пытаясь разобрать нацарапанные слова. Она так сильно сосредоточилась, что звук распахивающейся входной двери заставил ее подпрыгнуть.

– Привет, новый дядя, – поздоровался темноволосый мальчик-подросток, просунув голову в комнату. Казалось, он был смущен, обнаружив там и Робин.

– Привет, Джерри, – сказал Страйк. – Это моя напарница-детектив Робин.

– О, – протянул мальчик, выглядя слегка смущенным. – Круто. Привет.

И снова куда-то исчез.

Робин возобновила пристальное изучение фотографии. После минутной усиленной концентрации она начала читать вслух.

– «*Пять пророков*»... что тут над зеркалом? Это «*возмездие*»?

– Думаю, да, – кивнул Страйк, поближе придвигаясь к ней на диване, отчего они почти касались друг друга бедрами.

Большинство каракулей на стенах Пирбрайта были неразборчивыми или слишком мелкими, чтобы их можно было прочесть на снимке, но кое-где проглядывали слова.

– «*Бекка*», – прочитала Робин. «*Грех*»... «*лома*» какая-то... солома? Вот это похоже на «*заговор*», да?

– Согласен, – подтвердил Страйк.

– «*Прошлою ночью*»... *прошлая ночь*... Остальное не могу прочитать...

– Я тоже. А что ты думаешь об этом?

Страйк указал на место на стене над неубранной кроватью. Когда оба склонились над фото, чтобы рассмотреть его поближе, волосы Страйка коснулись волос Робин, и она почувствовала еще один электрический разряд внизу живота.

– Похоже, – вглядывалась она, – как будто кто-то пытался что-то отскрести... или... они что, сняли штукатурку?

– Я тоже так подумал, – рассуждал Страйк. – Мне кажется, кто-то буквально содрал часть надписи со стены, но не до конца. Уордл говорил, что сосед Пирбрайта забарабанил в дверь, услышав, как музыка прервалась. Возможно, это убедило убийцу уйти через окно, не успев убрать все целиком.

– И осталось вот это, – заключила Робин, глядя на последний кусочек того, что, казалось, было предложением или словосочетанием.

Заглавными буквами и много раз обведенное кружком было написано одно-единственное, легко читаемое слово: *СВИНЬИ*.

10

*Шестерка на второй позиции значит:
Созерцание сквозь щель в двери.
Благоприятствует женской настойчивости³¹*

«И-Цзин» или «Книга перемен»

Во многом из-за предостережений Пруденс следующие два вечера Страйк провел в своей квартире на мансарде, изучая *«Борьбу с культом контроля сознания»*. Как следствие, он настоял, чтобы Робин гораздо тщательнее обычного поработала над своим вымышленным образом, прежде чем она впервые появится в храме на Руперт-Корт. Хотя Страйк был полностью уверен в ее способности действовать по ситуации, кое-что из прочитанного, и в особенности предупреждение Пруденс о том, как церковь ищет слабые места в психике прихожан в целях эффективной манипуляции ими, вызывало у него чувство тревоги.

– Между жизнью Ровены и твоей не должно быть никакого сходства, – говорил он Робин, которая выбрала псевдоним *Ровена Эллис* (использовать вымышленное имя, отдаленно напоминающее собственное, всегда удобнее, особенно, когда ты утомлен или застигнут врасплох). – Не зацкливайся на своем реальном прошлом. Придерживайся выдуманной легенды.

– Я знаю, – терпеливо отвечала Робин, – не волнуйся, я уже продумала все это.

– И не стоит кардинально менять акцент. Когда ты измотан, такие нюансы легко вылетают из головы.

– Страйк, *я знаю*, – одновременно раздражаясь и усмехаясь, воскликнула Робин. – Но если в ближайшее время я там не появлюсь, эта стрижка отрастет заново, и мне придется ее обновлять.

В пятницу, накануне ее запланированного появления в лондонском храме ВГЦ, Страйк настоял на том, чтобы протестировать напарницу в офисе, задавая вопросы об учебе Ровены в школе и университете, ее семье, друзьях, хобби, домашних животных, бывшем женихе и деталях якобы отмененной свадьбы, на все из которых Робин отвечала уверенно и без запинки. В

³¹ Гексаграмма 20. Гуань. Наблюдение. (Созерцание).

заклучение, Страйк поинтересовался, зачем *Ровена* пришла в храм на Руперт-Корт.

– Моя подруга показала мне интервью с Ноли Сеймур, – рассказывала Робин, – о всеобщем объединении и разнообразии, ну, и я согласилась прийти. Мне показалось это интересным. Конечно, я ни к чему себя не обязываю! – добавила она, убедительно демонстрируя нервозность. – Я здесь просто посмотреть!

– Чертовски правдоподобно, – признал Страйк, откинувшись на спинку стула за столом партнеров и потянувшись за кружкой чая. – Ну, что ж: ты готова.

Итак, следующим утром Робин, встав пораньше в своей квартире в Уолтемстоу и позавтракав, облачилась в брюки от «Валентино», блузку «Армани» и куртку «Стелла Маккартни», перекинула через плечо сумку «Гуччи», после чего, пребывая в нервном возбуждении, отправилась в центр Лондона.

Руперт-корт, как уже было известно Робин, проработавшей в этом районе несколько лет, представлял собой узкий переулок, увешанный стеклянными фонарями, который соединял Руперт-стрит и Уорддор-стрит в месте, где сходились Чайнатаун и Сохо. По одну сторону прохода располагались всевозможные мелкие лавки, и даже, китайский рефлексотерапевт. Большую часть другой стороны занимал храм. Вероятно, когда-то он представлял собой невзрачное торговое здание, в котором размещались рестораны или магазинчики, однако теперь нижние окна и двери были заблокированы, оставляя доступным лишь один массивный вход. Тяжелые двойные ворота, насколько Робин могла рассмотреть поверх голов толпы людей, терпеливо ожидающих своей очереди попасть внутрь, были украшены резной красно-золотой рамой, перекликающейся с китайскими фонариками, развешанными по Уорддор-стрит.

Пробираясь ближе к двери вместе с остальной толпой, она украдкой разглядывала своих сотоварищей. Хотя среди верующих и была небольшая группа пожилых людей, средний возраст прихожан, по-видимому, составлял от двадцати до тридцати. Если некоторые и выглядели немного эксцентрично – например, молодой человек с синими дредами, – то большинство отличались лишь своей заурядностью: никаких фанатичных замашек, отсутствующих взглядов, необычной одежды или странного бормотания.

Приблизившись достаточно, чтобы хорошо разглядеть вход, Робин увидела, что красно-золотая резьба по периметру двери изображала животных: лошадь, корову, петуха, свинью, фазана, собаку и овцу. Только она задумалась, не является ли все это

косвенной отсылкой к сельскохозяйственным истокам ВГЦ, как тут же заметила дракона с ярко-золотыми глазами.

– Добро пожаловать... добро пожаловать... добро пожаловать... – приветствовали всех переступивших порог храма прихожан две улыбающиеся девушки.

Обе были одеты в оранжевые толстовки с логотипом церкви в виде инициалов «ВГЦ» внутри двух темных рук, сложенных в форме сердца. Робин отметила, как эти две молодые женщины внимательно вглядываются в приближающиеся лица, и задумалась, пытаются ли они сопоставить мысленные образы с нежелательными, по мнению церкви, персонами, например, с семьей Уилла Эденсора.

– Добро пожаловать! – пропела блондинка справа, когда Робин проходила мимо нее.

– Спасибо, – в ответ улыбнулась Робин.

Интерьер храма, с которым она уже ознакомилась по фото в Интернете, в реальности производил еще более грандиозное впечатление. Проход, проложенный между рядами скамеек с мягкими сиденьями, был устлан алым ковром и вел к возвышению, за которым располагался огромный, почти как в кинотеатре, экран. В тот момент на нем демонстрировалось статичное изображение десятков тысяч людей в разноцветной одежде, преимущественно красной и оранжевой, стоявших перед чем-то похожим на священное здание или дворец в Индии.

Робин не могла точно определить, действительно ли стены и карнизы храма были сделаны из сусального золота, но отражая свет от низко висящих стеклянных шаров с множеством лампочек внутри, словно гроздья светящегося винограда, они испускали золотистое свечение.

Верхнюю часть стены опоясывали расписанные вручную примитивные фигурки, держащиеся за руки, наподобие тех бумажных кукол, которых мать Робин когда-то учила ее вырезать в детстве. Там были представлены все национальности, напомнившие Робин парижский Диснейленд, в котором она побывала со своим тогдашним бойфрендом, а позже мужем Мэтью в 2003 году, и аттракцион под названием «Этот крохотный мир», где по каналам механически катились лодки, в то время как куклы всего мира пели посетителям дребезжащие песенки.

Скамьи занимали очень быстро, поэтому Робин скользнула на свободное место рядом с молодой темнокожей парой. Мужчина выглядел напряженным, а его спутница что-то нашептывала ему на ухо. Хотя Робин не могла расслышать всех слов девушки, ей показалось, что она уловила: «Сохраняй непредвзятость».

На неглубокой полке, прикрепленной к скамье перед Робин, лежало несколько одинаковых брошюр, одну из которых она взяла в руки.

*Добро пожаловать во Всеобщую гуманитарную церковь!
Наша миссия, Наши ценности, Наше видение.*

Робин сунула брошюру в сумку, чтобы позже почитать ее, и огляделась по сторонам, пытаясь выцепить взглядом Уилла Эденсора. Но его нигде не было видно, хотя симпатичных молодых служителей в оранжевых толстовках, которые суетились по храму, показывая людям места или болтая и шутя с посетителями, вполне хватало.

Заметив, как несколько прихожан смотрят вверх, Робин тоже обратила свой взор на потолок. Изображенная там фреска сильно отличалась по стилю от кукольных человечков, нарисованных вдоль стен. Она скорее походила на диснеевский взгляд на Микеланджело. Сквозь разноцветный рассвет летели пять гигантских фигур в развевающихся мантиях, и Робин догадалась, что это те самые пять пророков, о которых Кевин Пирбрайт писал в своем длинном письме сэру Колину Эденсору.

Прямо над головой Робин располагалась темноволосая фигура с бородой, одетая во все оранжевое. Казалось, из его пореза на лбу шла кровь, оставляя пятна на одежде. Несомненно, это был Раненый Пророк.

За ним следовал благожелательного вида старец с белой бородой в синих одеждах, который держал жезл Асклепия – посох, обвитый змеей: Пророк-Целитель.

Золотая Провидица была изображена в виде седовласой женщины с развевающейся желтой мантией за спиной; она обладала блаженным выражением лица и рассыпала драгоценности по земле.

Четвертым оказался изможденный, неулыбчивый молодой человек с затененными глазами. На нем была малиновая мантия, и, что ужаснуло Робин, петля, висящая на шее, концы которой летели позади него. Она предположила, что это был Похищенный Пророк Александр Грейвс, который повесился через неделю после того, как его насильно забрала с улицы семья. Ей показалось одновременно странным и зловещим, что церковь решила изобразить его с осунувшимся лицом и орудием самоубийства на шее.

Однако наибольшее внимание Робин привлекла именно центральная фигура. Она была меньше и тоньше, чем четверо других, с длинными черными волосами, облаченная в белое одеяние, и хотя была изображена летящей в воздухе, за ней

шлейфом оставались волны. Овальное лицо Утонувшей Провидицы отличалось суровой красотой, но, возможно из-за игры света, в узких глазах не было радужки, отчего они казались полностью черными.

– Вы здесь одна? – раздался голос рядом с Робин, заставив ее вздрогнуть. Молодая блондинка, приветствовавшая ее у двери, теперь улыбалась сверху вниз.

– Да, – кивнула Робин, – со мной должна была прийти подруга, но у нее похмелье!

– О, бедняжка, – охнула девушка, по-прежнему улыбаясь.

– Да уж, меня это немного подбесило, – усмехнулась Робин. – Это ведь она так жаждала прийти!

Разумеется, легенда была заранее спланирована: лучше не выглядеть слишком заинтересованной или слишком отчаявшейся, чтобы задавать вопросы; гораздо эффективнее позволить своей одежде и сумочке стоимостью в несколько сотен фунтов произвести собственное заманчивое впечатление.

– Случайности не случайны, – проворковала блондинка, лучезарно улыбаясь Робин. – Я уже это усвоила. Никаких случайностей. Вы и впрямь выбрали благоприятный день для визита, раз уж пришли сюда впервые. Сами поймете, как только начнется служба.

Блондинка, по-прежнему улыбаясь, удалилась, в то время как громкий хлопок в задней части храма возвестил о закрытии дверей. Где-то прогудел колокол, издав один-единственный протяжный звон, заставив прихожан стихнуть. Служители в оранжевых толстовках разошлись, заняв стоячие позиции вдоль стен.

Затем, к удивлению Робин, из скрытых динамиков зазвучали первые ноты хорошо известной поп-песни Дэвида Боуи «Герои».

Статичное изображение на киноэкране ожило, и одетые в оранжевое служители храма начали хлопать в такт и подпевать песне, как и некоторые прихожане.

Камера на экране перемещалась сквозь смеющихся людей, бросающих друг в друга разноцветные порошки, и Робин, достаточно долго прожившая в многокультурном Лондоне, узнала фестиваль Холи. Огни в храме медленно гасли, и уже через минуту единственным источником света остался экран, где радостные индусы обоих полов продолжали смеяться и гоняться друг за другом, пока в воздухе летали радужные цвета, и постепенно стало казаться, что они танцуют под песню Боуи, олицетворяя ее текст, где каждый из них мог стать королем или королевой, которые в этой славной массе могли бы «победить их», кем бы «они» ни были...

Фильм отбрасывал мерцающие разноцветные блики на лица собравшихся. Когда песня затихла, исчез и фильм, сменившийся изображением индуистского бога Шивы, сидящего в позе лотоса, со змеей, обвивающей его шею, и гирляндой оранжевых цветов, свисающей с обнаженной груди. В этот момент на сцене зажегся белый прожектор, на свет которого вышел мужчина, и поскольку из-за яркости светового луча окружающая темнота казалась особенно глубокой, создалось впечатление, словно он взялся из ниоткуда. Некоторые из присутствующих разразились аплодисментами, включая всех служителей, которые, просияв, также издали несколько восторженных возгласов.

Робин сразу узнала человека, обратившего на себя все внимание: Джонатан Уэйс, известный своим приверженцам как «Папа Джей», основатель Всеобщей гуманитарной церкви, чье личное присутствие в одном из своих храмов было довольно необычным явлением. Высокий, подтянутый мужчина привлекательной наружности шестидесяти пяти лет, при таком освещении он вполне мог сойти за человека на пару десятилетий моложе, с этими густыми темными волосами до плеч, пронизанными сединой, большими темно-синими глазами и квадратной челюстью с ямочкой на подбородке.

Его улыбка очаровывала. В том, как он ответил на аплодисменты, не было и намека на напыщенность или театральность, напротив, выражение лица было теплым и смиренным, когда Уэйс сделал примирительный жест, как бы пытаясь унять волнение. Он был облачен в оранжевую мантию в полный рост, расшитую золотой нитью, и носил гарнитуру с микрофоном, с помощью которой его голос с легкостью разносился над толпой из двухсот человек перед ним.

– Доброе утро, – сложив руки в молитвенном жесте, произнес он и поклонился.

– Доброе утро, – хором ответили, по меньшей мере, половина прихожан.

– Добро пожаловать на сегодняшнюю службу, которая, как некоторые из вас, наверняка, знают, является особенно важным для членов Всеобщей гуманитарной церкви. Этот день, девятнадцатое марта, знаменует начало нашего нового года. Сегодня День Раненого Пророка.

– Это, – Уэйс указал на изображение на экране, – тот образ, который ассоциируется с божеством у большинства из нас. Здесь мы видим Шиву, милостивого и благодетельного индуистского Бога, который соединяет в себе множество противоречий и двусмысленных

подтекстов. Он аскет, но в то же время и Бог плодородия. Его третий глаз дарует ему прозрение, но может также и разрушать.

Изображение Шивы исчезло с киноэкрана, сменившись размытой черно-белой фотографией молодого американского солдата.

– Это, – улыбнулся Уэйс, – совсем не похоже на то, о чем большинство из нас думает, представляя себе святого. Это Расти Андерсен, которого в начале семидесятых юношей отправили на войну во Вьетнам.

Фото Расти Андерсена поблекло и сменилось зернистыми кадрами взрывов и бегущих людей с винтовками. Из динамиков храма теперь звучала тихая, зловещая музыка.

– Раст, как называли его друзья, стал свидетелем жутчайших зверств и сумел пережить их. Его вынуждали совершать чудовищные поступки. Но когда война закончилась... – музыка стала более легкой и обнадеживающей, – ...он в последний раз вернулся домой, прихватил гитару и свои пожитки и отправился странствовать по Европе.

Теперь на экране чередовались старые фотографии, на каждой из которых волосы Андерсена становились все длиннее. Он выступал в месте, похожем на улицы Рима; ставил *знак мира* перед Эйфелевой башней; шел с гитарой за спиной под лондонским дождем мимо парада конной гвардии.

– Наконец, – продолжил Уэйс, – он прибыл в маленькую норфолкскую деревушку под названием Эйлмертон. Там он услышал об общине, живущей за счет земледелия, и решил присоединиться к ним.

Экран потемнел, музыка затихла.

– Община, к которой присоединился Раст, к сожалению, оказалась не такой, какой он ожидал, – рассказывал Уэйс, – но простая жизнь и близость к природе, остались его идеалом. Когда та первая община распалась, Раст продолжал жить в хижине, которую он сам построил, самодостаточный и самостоятельный, все еще переживающий травму, нанесенную войной, в которой его вынудили участвовать.

– Именно тогда я и встретил его впервые, – воскликнул Уэйс, когда храм наполнила новая волна музыки, на этот раз радостной и воодушевляющей, а экран заполнила фотография Расти Андерсена и Джонатана Уэйса, которому на тот момент можно было дать лет тридцать с небольшим. Хотя Робин предполагала, что разница в возрасте между ними не так уж и велика, обветренный Андерсен выглядел гораздо старше.

– У него, у нашего Раста, была чудесная улыбка, – голос Уэйса задрожал. – Он яростно держался за свое уединенное существование, хотя иногда я пересекал поля, чтобы уговорить его прийти и поужинать с нами. На этой земле начинала формироваться новая община, ориентированная не только на естественный образ жизни, но и на духовность.

Однако духовный мир не привлекал Руста. Он поделился со мной, что слишком много повидал, чтобы верить в бессмертие человеческой души или Божье милосердие.

– И вот, однажды ночью, – фотография стала медленно увеличиваться, от чего вскоре лицо Раста Андерсена заполнило весь экран, – мы с этим сломленным воином пошли прогуляться после ужина на ферме обратно через поля к его хижине. Мы, как всегда, спорили о религии и потребности человека в Божественном Благословении, и под конец я сказал Расту: можешь ли ты знать наверняка, что за пределами этой жизни ничего нет? Можешь ли быть уверен, что человек возвращается во тьму, и ни вокруг, ни внутри нас не действует никакая божественная сила? Неужели ты даже не допускаешь вероятности подобных вещей?

– И Раст взглянул на меня, – произнес Уэйс, и, выдержав паузу, добавил ответ: – я допускаю вероятность.

– Я допускаю вероятность, – повторил Уэйс. – Сила этих слов в том, что они исходили от человека, который решительно отворачивался от Бога, от благословения, от возможности искупления и спасения! И когда он произнес эти удивительные слова, я увидел в его лице нечто такое, чего никогда прежде не встречал. Словно в нем что-то пробудилось, и в тот момент мне стало понятно, что его сердце, наконец, открылось Богу, и я, которому Бог так сильно помогал, мог показать ему, чему сам научился, что увидел, что заставило меня знать – не думать, верить или надеяться, а знать – Бог реален и помощь всегда рядом, пусть мы даже не понимаем, как ее получить или даже как попросить ее.

– Тогда я и не подозревал, – повествовал Уэйс, когда музыка вновь утихла, а улыбающееся лицо Андерсена начало исчезать с экрана, – что у нас с Растром никогда не случится такого разговора, что у меня не будет шанса указать ему путь... поскольку в следующие двадцать четыре часа его не стало.

Музыка прекратилась. В храме установилась абсолютная тишина.

– Его сбила машина на дороге возле нашей фермы. Ранним утром следующего дня пьяный водитель задавил Раста, когда тот совершал привычную для себя прогулку на рассвете, так как

страдал бессонницей и любил подумать в одиночестве. Раст скончался мгновенно.

Экран заполнила другая картинка: возле хижины Раста Андерсена стояла группа людей, склонив головы над свежевырытой ямой, засыпанной землей.

– Мы похоронили его на ферме, где он обрел хоть какое-то утешение, оставшись в одиночестве, окруженный природой. Я был в отчаянии. Это стало первым испытанием для моей веры, и, честно признаюсь, мне было непонятно, почему Божественное Благословение позволило этому случиться столь скоро после возможности Его откровения такой мятежной душе, как Раст. Пребывая в этом состоянии отчаяния, я принялся за уборку его хижины... и обнаружил на кровати письмо. Письмо, адресованное мне, написанное рукой Раста. Спустя столько лет я все еще помню его наизусть. Вот что написал Раст за несколько часов до своей гибели:

Дорогой Джонатан,

Сегодня вечером я помолился, впервые с тех пор, как был ребенком. Меня осенило, что если есть вероятность существования Бога и возможности Его прощения, то будет глупо не попробовать поговорить с Ним. Ты сказал, он подаст мне знак, если услышит. И знак был послан. Не буду говорить, какой именно, вдруг ты решишь, что это все глупо, но когда он случился, я сразу узнал его, и не верю в простое совпадение.

Сейчас я преисполнен того состояния, которого не испытывал уже много лет: умиротворение. Может, это ощущение продлится, может и нет, но даже испытать такое чувство еще раз перед смертью было подобно проблеску рая.

Тебе известно, что я не очень-то умею говорить о своих чувствах, и даже не знаю, отдам ли тебе это письмо, но мне показалось правильным изложить все это на бумаге. Сейчас я собираюсь прогуляться, после бессонной ночи, но на этот раз меня ведут самые лучшие побуждения.

Твой Раст.

Темнокожая девушка рядом с Робин вытирала слезы.

– А всего через несколько коротких часов после этого, пока я спал, Раст обрел дом, – подытожил Джонатан Уэйс. – Он умер спустя пару часов после знака, подарившего ему ночь радости и покоя, которых он так долго был лишен...

Лишь позже, когда я все еще скорбел по нему, по-прежнему пытаюсь осмыслить события той ночи, до меня дошло, что Раст

Андерсен умер во время праздника Холи, важнейшего Индуистского фестиваля.

Теперь на экране за спиной Уэйса вновь прокручивали фильм о радостных людях в разноцветных одеждах, которые швыряли в друг друга порошком, смеялись и танцевали, тесно сбившись в кучу на улице.

– Раст не любил толпы, – пояснял Уэйс. – После Вьетнама он скитался из города в город в поисках покоя, и, в конце концов, поселился на клочке необитаемой земли, избегая человеческого общества. Радость общения с другими людьми он разделял редко и обычно неохотно, только из-за нужды в деньгах или еде. И когда я думал о Холи и о Расте, мне казалось так нелепо, что он вернулся к Богу именно в такое время... но потом я увидел, как сильно ошибался. Я прозрел.

– Раст обретет Холи в загробной жизни. Все, чего ему здесь не хватало: общение, смех, радость, – уготовано для него там, на небесах. Благословенное Божество послало Расту знак, и, забрав его в тот день, Божество говорило через него всем его знакомым: *«Расту больше нечего искать. Он достиг того, для чего был послан на землю: обрести знание обо мне, которое, в свою очередь, научит и вас. Прославляйте божественное в полной уверенности, что однажды вы тоже обретете счастье, к которому он стремился»*.

Буйные краски снова исчезли с экрана, и их место заняли изображения различных божественных фигур, в числе которых были Шива, Гуру Нанак, Иисус и Будда.

– Но что такое Благословенное Божество? Кого я имею в виду, говоря о Боге? Кому же из этих или бесчисленного множества других, вам стоит молиться? Мой ответ таков: всем или никому. Божественное существует, и с незапамятных времен люди пытались нарисовать его по своему образу и подобию посредством собственного воображения. Не важно, как вы это назовете. Не важно, в какой форме слов вы выразите свое поклонение. Стоит лишь заглянуть чуть шире разделяющих нас границ, культурных и религиозных, возведенных самим человеком, и наше видение проясняется, и мы, наконец, можем узреть запредельное.

– Некоторые из присутствующих здесь сегодня неверующие, – обратился к залу Уэйс, снова улыбаясь. – Кто-то пришел из любопытства. Другие сомневаются, многие не уверовали. Возможно, кто-то из вас даже пришел посмеяться над нами. А почему бы и нет? Смех радостен, а радость исходит от Бога.

Если сегодня я скажу вам, что знаю – знаю совершенно точно, – что есть жизнь после смерти и божественная сила, которая

стремится направлять и помогать любому человеку, ищущему ее, вы потребуете доказательств.

Что ж, и будете правы, скажу я вам. Я скорее предпочту встретиться лицом к лицу с честным скептиком, чем с сотней людей, которые верят, что знают Бога, хотя на самом деле находятся в плену своего собственного благочестия и уверенности в том, что лишь они и их религия познали путь истинный.

И если я скажу вам, что ничто на этой земной плоскости не дается без терпения и борьбы, кого-то это может обескуражить. Но вы же не ждете, что в одно мгновение поймете законы физики. Насколько искуснее создатель этих физических законов? Насколько мистичнее?

И все-таки вы можете сделать первый шаг уже сейчас. Первый шаг к доказательству, к абсолютной вере, которой я обладаю.

Все, что для этого нужно, – произнести слова, четверть века назад сказанные Раненым Пророком, которые подали ему нужный знак и привели его к ликованию и вознесению на небеса. Вы скажете – всего лишь повторить: «Я допускаю вероятность»?

Улыбаясь, Уэйс сделал паузу. Никто не произнес ни слова.

– Если вам нужен знак, произнесите сейчас эти слова: «Я допускаю вероятность».

Несколько разрозненных голосов повторили фразу, после чего по залу раздались нервные смешки.

– Теперь вместе! – сияя, воззвал Уэйс, – Вместе! «Я допускаю вероятность!»

Я допускаю вероятность, проскандировали собравшиеся, включая Робин.

Служители начали аплодировать, и остальные прихожане последовали их примеру, поддавшись моменту, некоторые из них все еще нервно смеялись.

– Прекрасно! – Джонатан лучезарно улыбался всему залу. – А теперь, рискуя прослыть самым низкооплачиваемым фокусником, – еще больше смешков в зале, – я хочу, чтобы все вы кое о чем подумали. Не произнося вслух, никому не говоря, просто подумали: загадайте число или слово. Число или слово, – повторил он. – Любое число. Любое слово. Но выберите это прямо сейчас, внутри храма.

Сорок восемь, наугад прикинула Робин.

– Вскоре, – продолжил Уэйс, – вы покинете этот храм и займетесь своей обычной жизнью. Ежели случится так, что это слово или число попадутся вам на глаза сегодня до полуночи – что ж, это может быть совпадением, верно? Или случайностью. Но вы только

что допустили *вероятность* того, что дело может быть и в чем-то другом.

Вы *допустили вероятность* того, что с вами пытается заговорить Благословенное Божество, чтобы сообщить вам о Своем присутствии сквозь хаос и отвлекающие факторы мирской суеты, заговорить с вами единственным средством, которое есть в их распоряжении на данный момент, прежде чем вы начнете изучать Их язык, прежде чем вы обретете способность избавляться от земного шлама и увидеть Высшее так же ясно, как я и многие другие...

– Во всяком случае, – заключил Уэйс, когда образы божеств на киноэкране позади него погасли, и снова возникло улыбающееся лицо Раста Андерсена, – надеюсь, что история Раненого Пророка напомнит вам, что даже самые мятежные души могут обрести умиротворение и радость. Даже те, кто совершил ужасные поступки, могут быть прощены. И есть дом, куда могут быть призваны все, стоит им только поверить, что это возможно.

С этими словами Джонатан Уэйс слегка склонил голову, прожектор погас, и, когда прихожане начали аплодировать, снова зажглись лампы храма. Однако Уэйс уже ушел, и Робин невольно восхитилась скоростью, с которой он исчез со сцены, что, действительно, отдавало волшебством.

– Спасибо, папа Джей! – блондинка, которая ранее разговаривала с Робин, теперь поднималась на сцену и, сияя, продолжала аплодировать. – А сейчас, – продолжила она, – я хотела бы сказать пару слов о миссии ВГЦ здесь, на земле. Мы стремимся к созданию более справедливого, равноправного общества и работаем над расширением прав и возможностей наиболее уязвимых слоев населения. На этой неделе, – она отошла в сторону, чтобы не мешать зрителям увидеть новый фильм на экране позади нее, – мы собираем средства для проекта ВГЦ «Юные опекуны», который предоставляет каникулы молодым людям, ухаживающим за хронически больными членами семьи и инвалидами.

Пока она говорила, на экране проигрывалось несколько видеороликов, показывающих группу подростков, сначала бегущих вместе по пляжу, затем поющих у костра, катающихся на лыжах и каноэ.

– В ВГЦ мы верим не только в индивидуальное духовное просвещение, но и в работу по улучшению условий для маргинализированных людей, как внутри церкви, так и за ее пределами. Если у вас есть возможность, пожалуйста, подумайте о пожертвовании на наш проект «Юные опекуны» на выходе, а если

вы хотите узнать больше о церкви и нашей миссии, не стесняйтесь поговорить с любым из служителей, которые с радостью вам помогут. А теперь я оставляю вас с этими прекрасными фотографиями, демонстрирующими некоторые из наших последних гуманитарных проектов.

Она сошла со сцены. Поскольку двери не открылись, большинство прихожан остались сидеть, глядя в экран. Свет в храме оставался приглушенным, и вновь послышался голос Дэвида Боуи, поющего для неподвижной паствы, глядящей на новые фрагменты фильма: как едят суп бездомные, как тянут руки сияющие дети в классе в Африке, как взрослые разных рас проходят своего рода групповую терапию.

Мы можем стать героями, – пел Дэвид Боуи, – хотя бы на один день.

11

*Шестерка в пятой позиции...
Шок то приходит, то уходит...
Однако ж, еще не все потеряно.³²*

«И Цзин» или «Книга перемен»

Страйк, которому не терпелось узнать, как прошел первый визит Робин в храм, был вынужден пропустить первые несколько звонков от нее, поскольку сидел в метро, держа на коленях пакет из «Хэмлис»³³. Лишь когда он сошел со станции «Южный Бромли», собираясь сам набрать напарнице, Робин, с пятой попытки, наконец, удалось с ним связаться.

– Прости, – первым делом произнес он. – Сигнала не было. Я сейчас на пути к Люси.

Люси была его сводной сестрой по матери, и потому они выросли вместе.

Хотя он и любил ее, между ними почти не было ничего общего, и даже посторонние, как правило, с недоверием относились к их родству, учитывая, что Люси уродилась миниатюрной блондинкой. Сегодняшний визит Страйка был продиктован скорее чувством долга, а не желанием повидаться, и потому он предвкушал несколько тягостных часов.

– Как все прошло? – поинтересовался детектив, двигаясь вдоль дороги под грозовым небом, предвещавшим дождь.

– Не совсем так, как я предполагала, – призналась Робин, которой пришлось пройти несколько кварталов от храма, прежде чем удалось найти кафе со столиками снаружи, где ее никто не мог подслушать, благодаря прохладной погоде. – Я ожидала что-то вроде проповедей о муках ада, но нет, как оказалось, они говорили о всеобъемлющем социальном равенстве и что каждый имеет право на сомнения. Причем делали это весьма зрелищно – на киноэкране проигрывались видеоролики, а на заднем фоне пел Боуи.

– Боуи?

– Да, «Герои», но главная новость, что там лично присутствовал папа Джей.

– И как он тебе?

³² Гексаграмма 51. «Чжэнь» - «Шок», «Молния».

³³ Старейший британский магазин игрушек, один из самых известных в мире

– Довольно харизматичен.

– Кто бы сомневался, – проворчал Страйк. – Тебя пытались завербовать?

– Не напрямую, но на выходе меня перехватила блондинка, которая, подозреваю, в курсе, сколько стоит одежда Пруденс. Сказала, как она надеется, что мне понравилось, и спросила, не возникло ли у меня каких-нибудь вопросов. Я ответила, что все это было очень увлекательно, но большого интереса не проявила. Тогда она выразила надежду на скорую встречу снова.

– Цену набиваешь, – одобрил Страйк, ощутивший на лице первые капли ледяного дождя. – Ловкий ход.

– На выходе мне пришлось сунуть двадцатифунтовую купюру в корзинку для пожертвований, – продолжила Робин, – учитывая, что с собой у меня сумочка за пятьсот. Однако я позаботилась, чтобы мальчишка у двери увидел, сколько я подаю.

– Спиши это на наши деловые расходы, – предложил Страйк.

– И я... ого, – вдруг воскликнула Робин, удивленно усмехнувшись.

– Что такое?

– Я... ничего.

Пара молодых американцев – высоких, упитанных и бородатых, в бейсболках, – только что заняли место через два столика от Робин. На одном из них была рубашка-поло, на другом – футболка NASCAR³⁴ с надписью «Джимми Джонс» и крупными цифрами «48».

– Ничего такого, потом расскажу, – наконец, вымолвила Робин. – Просто хотела поделиться в двух словах. Ну, раз ты идешь к Люси, не буду тебя задерживать. Увидимся в понедельник.

Страйк, не особо желая завершать разговор с Робин, отвлекавший его от внушающей страх встречи, неохотно попрощался и продолжил путь, ощущая как усиливается его дурное предчувствие. Судя по голосу, Люси была радостно взволнована его приездом, что еще больше омрачало перспективу сообщить ей неприятные новости.

В столь прохладный мартовский день разросшаяся магнолия в палисаднике Люси и Грега, ожидаемо, не цвела.

Страйк постучал в дверь, которую почти сразу же открыл его любимый племянник Джек.

– Черт возьми, – воскликнул Страйк. – С нашей последней встречи ты вымахал почти на восемь дюймов.

³⁴ Национальная ассоциация гонок серийных автомобилей (National Association of Stock Car Auto Racing)

– Было бы странно, если бы я уменьшился, – хмыкнул Джек. – А ты похудел.

– Ну, да, мне как раз надо уменьшиться, – Страйк вытер ноги о коврик у двери. – Поймешь, когда доживешь до моего возраста... Это вам с Люком и Адамом, – добавил он, протягивая Джеку пакет.

В этот момент в холле появилась Люси и, услышав последние слова Страйка, просияла. Она всегда была недовольна тем, что он так явно благоволил ее среднему сыну.

– Какой приятный сюрприз, – сказала она, обнимая брата. – Люк с Грегом на футболе, но Адам наверху. Проходи, я как раз достала из духовки банановый хлеб.

– Аромат потрясающий, – похвалил Страйк, следуя за ней на кухню, стеклянные двери которой выходили на лужайку. – Но положи мне немного. Я все еще далек от своего идеального веса.

– Я была так рада твоему звонку, потому что слегка беспокоюсь за Теда, – ворковала Люси, доставая из буфета пару маленьких тарелочек. Тед был их овдовевшим дядей, проживавшим в Корнуолле. – Мы созванивались утром, и он повторил мне ту же историю, что и в прошлый раз, слово в слово.

– Мне кажется, ему одиноко, – предположил Страйк, усаживаясь за кухонный стол.

– Возможно, – с сомнением в голосе произнесла Люси, – но я тут подумала, что могла бы заскочить повидаться с ним. Присоединишься?

– Да, – с долей осторожности согласился Страйк, испытывая знакомое чувство давления, которое у него часто вызывала Люси, когда просила немедленно принять на себя обязательства по будущим договоренностям, и если он не сразу соглашался, то ему приходилось иметь дело с ее раздражительностью. Однако сегодня Люси просто положила перед ним ломтик бананового хлеба и налила кружку чая.

– Итак, в честь чего этот визит? Не подумай, я рада тебя видеть...

Прежде чем он успел ответить, появились Джек и Адам, держа в руках по луку «Air Storm Firetek», подаренными Страйком специально для того, чтобы вывести сыновей Люси в сад на время их разговора.

– Так круто, – восхищенно сказал Адам Страйку.

– Рад, что тебе понравилось, – кивнул Страйк.

– Корм, ну не стоило! – воскликнула Люси, явно обрадованная этому жесту. Учитывая, сколько раз он забывал о днях рождения своих племянников, Страйк прекрасно понимал, что эти подарки

явно подзадержались. – Жаль, что идет дождь, – расстроилась Люси, взглянув на сад через окно.

– Чуть капает, – настаивал Страйк.

– Я хочу попробовать, – выручил его Джек, подтверждая свой статус любимчика дяди. – Надену резиновые сапоги, – бросил он матери, снова выбегая из кухни. К облегчению Страйка, Адам последовал за старшим братом.

– Ну, так зачем ты здесь? – снова спросила Люси.

– Я предпочел бы поговорить, когда мальчики нас не услышат, – попросил Страйк.

– О боже, ты болен? – в панике воскликнула Люси.

– Нет, конечно, нет, – успокоил ее Страйк. – Просто...

Джек и Адам поспешно вернулись на кухню с резиновыми сапогами.

– И плащи, мальчики, – указала Люси, разрываясь между опасениями по поводу того, что собирался ей сказать Страйк, и заботой о нуждах своих сыновей.

Наконец, когда оба мальчика в плащах исчезли под дождем, Страйк откашлялся.

– Ладно, я хотел поговорить с тобой о своем новом деле.

– Аа, – выдохнула Люси, выглядя слегка успокоенной. – Почему?

– Потому что, в случае успеха, хотя на данный момент это маловероятно, но если все же да, то, скорее всего это попадет в прессу. И если такое произойдет, возможно, что там будет что-то про нас – тебя и меня. Что-то могут раскопать.

– Например, что? – спросила Люси слегка надтреснутым голосом. – Они ведь и так уже это сделали, разве нет? «Сын супер-группы». «Заядлая любительница увеселений Леда Страйка».

– Речь не только о маме, – предупредил Страйк.

Он заметил, как на лице Люси напряглись мышцы. Она не называла Леду «мамой» с четырнадцати лет, и все это время открыто заявляла, что считала своей настоящей матерью их покойную тетю Джоан.

– Тогда что? – уточнила Люси.

– Ну, – протянул Страйк, – меня наняли расследовать деятельность Всеобщей гуманитарной церкви.

– И?

– В общем, их головной центр располагается там, где раньше находилась Община Эйлмертона.

Люси откинулась на спинку стула, словно эти слова нанесли ей физический удар, выражение ее лица было пустым. Наконец, сглотнув, она выдавила из себя:

– О...

– Я испытал такой шок, поняв, что это началось именно там, – продолжал Страйк. – Я узнал об этом лишь после того, как мы взялись за это дело и...

К своему ужасу, он увидел, как Люси разразилась беззвучными рыданиями.

(ищи продолжение с 26.09.2023 на [Gateshead](#))